

АЛЕКСАНДРА ИСКВАРИНА

ПЕПЕЛ ААР'ДАЙНА

ЧАСТЬ I: НИТИ

НИТИ ПРАДНАЛЬЩИКА

Александра Искварина

Пепел Аар'Дайна. Часть I: Нити

«Издательские решения»

Искварина А.

Пепел Аар'Дайна. Часть I: Нити / А. Искварина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-931372-0

Она не знает своего имени и рода. Она считает себя полукровкой и привыкла быть презираемой. Но упорством и жаждой знаний она добивается рекомендации для обучения в главном магическом университете Праведного Государства. Теперь она одарённый маг Пути Духа и Верная Богини Сумерек. Ей предстоит совершить невозможное. Сможет ли она узнать себя и поверить, что достойна выпавшей судьбы? Сумеет ли связать разорванное и восстановить разрушенное? Хватит ли ей сил и решимости противостоять ужасу безумия?

ISBN 978-5-44-931372-0

© Искварина А.
© Издательские решения

Содержание

Благодарности	6
Малышке Айе, сумевшей своей крохотной жизнью связать сотни людей.	7
1. Я не знаю, кто я	8
2. Новое	16
3. Обессиленность	23
4. Зачаровашки и очаровашки	32
5. Настоящая археология	38
6. Врата Императора	44
7. Курэмон	54
8. Эйно Даррис	60
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Пепел Аар'Дайна Часть I: Нити

Александра Искварина

© Александра Искварина, 2018

ISBN 978-5-4493-1372-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Благодарности

Моим детям Стасе и Паше, без которых мысль написать эту историю, возможно, никогда не пришла бы мне в голову.

Моему мужу Валентину, без чьей поддержки у меня не было бы столько времени, чтобы писать.

Моей подруге Смородине, подарившей мне несколько бесценных идей, без которых этот текст был бы совсем иным.

Лучшему в мире бета-ридеру AntimonyFug, без чьей неоценимой помощи этот текст был бы куда хуже.

Разработчикам серии игр «The Elder Scrolls» за удивительный, вдохновляющий мир, созданный ими.

Томасу Бергерсену за потрясающую музыку, под которую были написаны лучшие главы.

**Малышке Айе, сумевшей своей
крохотной жизнью связать сотни людей.**

1. Я не знаю, кто я

В спальне учеников первого шага царил привычный вечерний шум, слегка приглушённый бархатом раздвижных ширм. Пламя свечей время от времени вздрагивало от сквозняков и играло тенями на жёлтом песчанике стен и белёном сводчатом потолке. Какой-то ученик бродил туда-обратно по узкому, едва вдвоём разойтись, проходу, держа учебник за спиной – затверживал урок. В одной из комнатушек сгрудилось человек шесть, они то шептались, то принимались хохотать, то бурно что-то обсуждали; повсюду – на столе, на стуле, на кровати и на полу – стояли разномастные чайные чашки, а чайник ютился под столом, и время от времени кто-нибудь, опасливо озираясь, осторожно подогревал его крохотным *огненным клубком*. В дальнем конце длинной спальни комнаты было особенно шумно – там обитали неугомные Двойняшки.

Невысокая пепельнокожая эльфийка робко пробиралась по проходу меж ещё распахнутых ширм, стараясь не заглядывать в чужие комнаты. Парнишка, вынудивший учебник из-за спины, чтобы проверить, правильно ли запомнил прочитанное, заставил её надолго остановиться. Ей было неловко протискиваться мимо и стыдно просить посторониться. Проще было подождать, пока он пойдёт обратно. Тем более, что её собственная комнатка уже вот, в паре шагов по правую руку. А по левую, за полузакрытой ширмой, к которой прижалась кэриминка¹, раздавался бодрый говорок с характерным котолюдским акцентом, изредка перемежаемый раскатистым басом жившего там северянина.

Проскользнув в свою спаленку, эльфийка вздохнула с заметным облегчением. Ей стало бы ещё легче, если бы она задвинула ширму. Но было ещё слишком рано, все комнаты оставались открытыми, и кэриминке было неловко поступать иначе. Она села за письменный стол спиной ко входу и некоторое время смотрела в сгущающиеся за окном сумерки. Потом зажгла свечу, достала из ящика новую толстую тетрадь в кожаной обложке с тиснёным узором, тщательно очинила перо, обмакнула в чернила, вывела на середине первой страницы слово «Дневник», поставила в начале следующей дату и надолго задумалась. Затем стала писать – левой рукой, медленно и с заметным усилием, словно тонкий кончик пера увязал в бумаге и никак не мог разбежаться.

«Интересно, можно ли объяснить обычному человеку, каково это – вырасти на улицах крепости Нака? Второе столь же унылое место в Праведном Государстве ещё поискать... Вот уж полгода я учусь в Кадае, главном магическом университете Империи Сэйтэй², а скромная чистота ученических спален всё ещё кажется мне роскошью. Нынешняя жизнь столь отличается от прежних воспоминаний, что я то и дело возвращаюсь к навязчивой мысли: а не приснилось ли мне моё сумрачное детство в одном из кошмаров? Но...

Я не знаю, кто я. Не знаю, где и когда родилась. Знаю лишь, что год моего рождения, пятый год Эпохи Гинро, стал смертью и ужасом для всего севера Хайно – Пепельной провинции. Говорят, маги Клана Араннен пробудили дремлющий Дом Баарота³. Говорят, во всей провинции два года царила жесточайшая зима, неурожай и голод. Говорят, тысячи беженцев покинули свои дома и потянулись в Накано, Центральную провинцию. Наверное, и мои родители были среди них... Во всяком случае, один из них точно был из кэриминцев, потому что кожа моя окрашена пеплом, как у всякого падшего эльфа. И ненавидели меня, как всякого падшего – необъяснимо и неизбежно. Казалось бы, чего проще: держись своих. Но «свои»,

¹ Кэримины – падшие эльфы, обитают в Хайно – Пепельной провинции, отличаются пепельно-серым цветом кожи, в большинстве черноволосы и черноглазы.

² Сэйтэй – Праведное Государство (имперск.)

³ Дом Баарота – самый большой вулкан в Хайно – Пепельной провинции.

лишь раз заглянув мне в глаза, брезгливо отворачивались и клеймили кто выродком и полукровкой, кто подменьшем, а кто и похуже. Кэримины все сплошь черноглазы так, что зрачка не разглядеть, мерцают из-под пепельных век гладкие обсидианы. А мне достались – лиловые. Знать бы, откуда... За всю мою сознательную жизнь я не встречала таких ни у одного человека или эльфа. Кем мне себя считать? Дурной шуткой Богов-Хозяев? Упущением Богов-Наставников? То ли нить, выпавшая из ткани, то ли оборванный ненужный узелок.

Я не знаю, кто я. Не помню своего имени. Не ведаю своего рода. Улица не хранит таких знаний. Одним нищим ребёнком больше, одним меньше. И кому какое дело, есть ли у грязного оборванца имя? До одиннадцати лет мне ничего не стоило менять прозвания хоть каждый месяц. Хоть каждый день. Я так и поступала. Всё равно все они были только для меня одной. Словно меняешь платья, которых не можешь, конечно, себе позволить. Но надо же было девочке хоть с чем-то играть... Так продолжалось до тех пор, пока, шесть лет назад, меня не взяли в свой дом пожилые хёдины⁴ Саррма и Дораши. Что ж, кому как не котолодам понимать, каково жить чужаком среди людей и эльфов. В тот день я назвалась Кимриналь. И договорилась с собой не менять большие имён. Это первое имя, что я помню своим, и иногда мне кажется... мне хочется верить в то, что оно, может быть, и есть – настоящее...

Мои добрые хёдины бедны, они не могли бы позволить себе удочерить меня. Я должна была помогать им по хозяйству и найти работу, чтобы им было на что кормить и одевать меня. Это меня нисколько не оттолкнуло. К одиннадцати годам я так устала всего бояться, ото всех убежать и вечно прятаться, что была готова хоть чистить самые паутинные закоулки храмового склепа, хоть драить отхожее место в таверне голыми руками... Но взяли меня, как ни странно, в Накский шисэн⁵ – местное представительство Кадая... И если бы не это, вряд ли я когда-нибудь осмелилась бы даже в фантазиях подумать об учёбе здесь.

Я не знаю ничего. Улица научила меня бояться, прятаться и выживать. Я знаю каждый потайной уголок крепости Нака, как собственную ладонь. И я совершенно ничего не знаю о мире вокруг меня. В шисэне, кое-как научившись читать, я начала лишь догадываться, что Оодай⁶ куда больше, чем то, что я могла увидеть, взобравшись на крепостную стену. Здесь, в Кадае, я, наконец, могу попытаться хоть краешком своего необразованного ума прикоснуться к величию мира, сотворённого Ритцу, Мидару и Обманичком Кэсса'Ши. Наверное, от этого мой дневник превратится в мешанину из моих собственных мыслей, мифов и исторических справок. Но наставник, мастер Эттилор, прав – я пишу это для себя, и никому нет дела до того, что я сюда сложу...»

– Ай!

Свеча у правого края стола ни с того ни с сего вспыхнула так сильно, что Кимри дёрнулась и едва не опрокинула её на тетрадь, которую так прилежно исписывала неловким почерком. Тут же проворно и бесшумно подскочил кто-то из учеников и поспешно задул пламя.

– Опасно баловаться с огнёоум! – воскликнул он с характерным хёдинским выговором. – И нельзя колдовать в жилых комнатах!

– Отстань, мохнатый за-ну-да! – глумливо прохотала пара девчоночьих голосов.

Тайсоминки⁷ Двойняшки хлопнули дверью и с грохотом скатились по лестнице, явно намереваясь где-нибудь ещё накуролесить. Киналь Танэти и Римта Данти – обе из старших

⁴ Хёдины – раса котолодов, живут в Западной провинции – Нишино.

⁵ Шисэны – местные представительства Кадая, при которых желающие могут получить начальные магические умения, так же шисэны предоставляют различные магические услуги населению города.

⁶ Оодай – название мира Разумных, реальность людей, эльфов и зверолодов.

⁷ Тайсомины – старшие эльфы, обитают в Восточной провинции – Азумано, отличаются светло-золотым цветом кожи, как правило светловолосы, цвет глаз от светло-золотого до зелёного, как правило высоки и худощавы.

эльфов – не были сёстрами, но получили это прозвище за неразлучность и сходство бесшабашных характеров.

– Ты не обожглась? – обеспокоенно склонился к кэриминке высокий кот.

– Нет, спасибо, Шахарро, – неловко улыбнулась Кимриналь, радуясь про себя, что успела припомнить его имя, и поспешно стёрла капли воска с края страницы.

Досадно – останутся жирные пятна. Хорошо хоть, это не та работа, которую нужно будет сдавать наставнику...

Кот протянул над тетрадью светло-золотую лапу, и Кимри растерянно вскинула руки, не зная, то ли прикрыть личные записи, то ли отпрянуть подальше. Шахарро устрашающе растопырил пальцы с нешуточными когтями, поджал их собирающим жестом, что-то шепнул, и пятна, свернувшись в лёгкие песчинки, с тихим шорохом скатились с листа. Интересно, как это он сумел убрать только воск и жир, не задев чернил?.. В Кадае не уделяли внимания бытовой магии, обычные ученики овладевали ею ещё в семье или в местных шисэнах. Кимри тоже кое-что умела, но у неё всегда было слишком много работы и слишком мало свободного времени, чтобы узнать побольше.

– Эти две бесстолочи свернут себе шшею, не успев окончить учёбы, – раздражённо прошипел хёдин, убирая лапу и, кажется, не особо интересуясь содержанием записей. – А тебе стоит рразвернуть стол боком. Сидеть спиной к проходу небезопасно в этом ззаведении.

Кимри чуть заметно поджала губы: ей нравилось работать лицом к окну, когда ничто лишнее не отвлекает, и всегда можно дать отдых усталым глазам, взглянув на приятную зелень увившего рамы плюща. Но всё-таки кот прав, и надо переставить стол, избавив себя хоть от части дурацких шуточек... Значит, кровать теперь будет упираться изголовьем в подоконник, а стол займёт место напротив, так, чтобы свет из окна падал справа – как удобнее для левши.

Чтобы справиться с тяжелой мебелью китанского бронзового клёна, пришлось позвать на помощь молчуна-китадина⁸ Роддвара. Кимриналь в который раз подивилась про себя: и зачем огромному силачу северянину магия? Можно представить, для чего пошёл учиться колдовать изящный и ловкий, но не особенно сильный хёдин. Этот же скальный гигант из ледяных гор Китано наверняка способен легко управиться с парочкой двуручных молотов, а бормоча заклинания и запуская огненные шары, он вызывал у Кимри ощущение, достойное творения безумца Шиморы⁹: как Хакай Соран¹⁰, нюхающий цветочки...

Кимри было ужасно неловко, непривычно и удивительно, что кто-то взялся заступаться за неё и помогать. Большинство соучеников в Кадае были ровно вежливы с застенчивой кэриминкой, никто не дразнил её, как дома, не старался лишней раз поддеть или унижить. Ну, разве что Двойняшки подшутят по-дурацки. Так от них никому покою нет. И всё же Кимриналь до сих пор с трудом подавляла желание долго и многословно благодарить всякого, проявившего к ней хоть каплю внимания. Или – ещё хуже и позорнее – мучительно темнела от стыда, в последний момент поймав себя на порыве восторженно схватить за руки, как было принято у нищих в Наке... И это несмотря на то, что она шесть лет прожила в семье добродушных хёдинов да прослужила в окружении вполне благосклонных к ней магов. Всё-таки «сумрачное детство» ей не приснилось, и все полгода в Кадае кэриминке приходилось вытравлять из себя его дары, столь дивные, что она так и не смогла покуда набраться смелости и подружиться с кем-нибудь по-настоящему. Вот, хотя бы с тем же Шахарро. К флегматичному Роддвару и подойти-

⁸ **Китадины** – северные люди, обитают в Северной провинции – Китано, белокожие, как прило русые или рыжеватые, с голубыми или серыми глазами, отличаются крепким телосложением и выносливостью.

⁹ **Шимора** – один из Богов-Хозяев, олицетворяет безумие.

¹⁰ **Хакай Соран** – один из Богов-Хозяев, олицетворяет разрушения, покровитель стихийных бедствий, ссор, войн и революций.

то страшно: зыркнет исподлобья глазами-льдинками – сразу колени слабеют, и идёшь себе мимо, стараясь соблюсти приличное выражение лица... Кот же, хоть и язвительен, но дружелюбен и уже не в первый раз заступает за неё. А она с опаской смотрит на его когтистую лапу, вместо того, чтобы поднять голову и разглядеть добродушную улыбку под белоснежными усами...

– Что писала? – полюбопытствовал хёдин, когда с перестановкой было покончено, а северянин, всё также молча отмахнувшись от благодарностей, вернулся к своим занятиям.

Успокоившись, котолюд говорил почти совсем без акцента.

– Дневник, – ответила Кимри робко. – Наставник задал.

Шахарро фыркнул, презрительно дёрнув усами и сморщив нос, будто домашний кот, которому дали понюхать пучок свежей лаванды.

– Глупейшее занятие. Лучше бы дал лишний час в тренировочном зале. Какой толк в этом бумагомарании?

Мастер Эттилор, один из старших наставников Пути Духа, объяснял задание тем, что для лучшей концентрации нужна максимальная ясность и чистота ума, а ясности и чистоты не достичь, если ум затмевают неосмысленные эмоции и недопрожитые моменты жизни. Но повторить это хёдину Кимри не решилась: наверняка его наставник объяснял ему то же, да и кто она такая, чтобы поучать ученика второго шага...

– Твой наставник не задаёт такого? – спросила она вместо этого.

– Мастерр Инх Шэк считает, что в магии важнее умение, чем умствования! – заявил Шахарро.

– Разве не интересно, как ум работает с заклинаниями? И как думали древние мастера, и почему сделали их именно такими? – нерешительно пробормотала Кимри.

Хёдин иронически усмехнулся, усаживаясь на край стола:

– Уже записалась в Археологический клуб?

Кэриминка отодвинулась, чтобы не оставаться слишком близко к собеседнику, и сделала вид, что не заметила подтрунивания.

– Не слышала про такой, – покачала она головой.

– Ах, да, первошагам же историю читает мастер-зануда Тошиго... Ну, думаю, тебе стоит сходить туда. Мастер Малларен Эшши-Дан оценит твою тягу к древним мастерам по достоинству.

Услышав столь несомненно хайминское имя, Кимриналь невольно задержала дыхание – так сжалось всё внутри в предчувствии удачи. Ей пришлось помолчать несколько секунд, чтобы голос не выдал волнения.

– Он родом из Хайно? Из пепельных эльфов?

– О, да! Говорят, он едва ли не последний вождь какого-то племени кочевников... как их там называют?.. – Шахарро подёргал ушами, пытаясь вспомнить слово, – ...хайминов?

– Настоящий хашин?! – тихий голос Кимриналь истончился так заметно, что на щёки хлынула лиловая краска стыда.

Кот, впрочем, не обратил на это внимания. Или не подал виду.

– Наверное. Я не силён в их титулах. Так пойдёшь? Посмотри на стене объявлений, там есть расписание собраний.

– Посмотрю прямо сейчас. Спасибо, Шахарро!

Стараясь держаться благопристойно, Кимри покинула спальню спокойным шагом и заставила себя медленно спускаться по лестнице, хотя внутри всё горело от нетерпения так, что глаза застилал серый туман. Изучать историю под руководством чистокровного хаймина: разве можно было мечтать о большем?!

Решив во что бы то ни стало прояснить своё происхождение, Кимриналь была готова день за днём изучать всё, что только найдётся в библиотеке Кадая о Пепельной провинции и о бежав-

ших от взбесившегося Дома Баарота кэриминов: учебники истории, любые документы, письма, мемуары. За полгода она узнала, что падшие – отколовшаяся ветвь старших эльфов, тайсоминов. Старшие от начала Оодай поклонялись Богам-Наставникам, ища совершенства и стремясь стать богоравными. Но около полутора тысяч лет назад пророк Лаамото сказал: «Почему мы должны считать себя недоделанными? Почему мы не можем верить в то, что мы уже хороши, такие как есть? Баарот – Дух Оодай, разве он не лучше других понимал, какими должны быть живущие здесь? Мы – лучшее, что может быть в этом мире». Так говорил святой Лаамото. И его стали слушать. Храм Богов-Наставников принялся бороться с опасной ересью, и Лаамото повёл своих последователей прочь со Срединных островов, тогда ещё не бывших провинцией Азумано. Кэримины поселились в окрестностях Дома Баарота, среди пепельных пустошей. За пару поколений падшие изменились – кожа их стала пепельной, волосы иссиня-чёрными, а глаза обсидиановыми, с крупной, во весь глаз, радужкой.

Потом явилось Праведное Государство и попыталось вернуть кэриминов к почитанию Богов-Наставников, но встретило столь яростное сопротивление, что, во избежание жесточайшей войны, узаконило поклонение Баароту. Казалось, мирное сосуществование религий должно было пойти во благо, но на деле между двумя культурами продолжалось подспудное соперничество, и в конечном итоге большинство кэриминов почти утратили всякую веру в каких бы то ни было богов, став «дважды падшими». Только хаймины – пепельные эльфы – остались верны Баароту и, избегая распрей, превратились в кочевников.

Так продолжалось до тех пор, пока, около пяти веков назад, не появился какой-то новый бог. Но о нём Кимри пока не нашла никаких документов. В Праведном Государстве нового бога сочли самозванцем, и поклонение ему было запрещено. В самой же провинции Хайно наверняка были книги о нём, но слишком мало осталось их после Гнева Баарота. Кимри предстояли годы кропотливого труда и поисков.

Но если сумеешь завоевать расположение мастера Эшши-Дана... о-о, только бы суметь!.. Только бы не струсить!

Небрежно оторванная восьмушка обычного свитка с расписанием встреч Археологического клуба нашлась в полутёмном углу, почти под лестницей. В этом году, как оказалось, ещё не было ни одного собрания, потому что не нашлось достаточно желающих. Пожалуй, это было не очень удивительно. Насколько Кимри успела заметить, большинство учеников разделяли мнение Шахарро и предпочитали дополнительные часы тренировок нудным теоретическим исследованиям. Словом, завтра ей предстоит подняться в Южную башню и постараться не показать себя там последней бездарью...

Записав часы встреч, Кимриналь перешла к огромному пергаменту с планом замка, в стенах которого располагался Кадай. Это был форт, сильно повреждённый двадцать два года назад культистами и чёрными духами *Ная*¹¹, Бога Смерти. Нищие в Наке любили рассказывать детворе жуткие истории о тех днях, когда по всей империи приспешники *Ная* открывали порталы в Поля Праха – Удел Бога Смерти, и орды *куродама*¹², зомби и неназываемой нежити нагоняли ужас на всё Праведное Государство. Культисты убили императора *Юсо Оканэ*, старшего и среднего принцев, расшатали границу между нашим миром – Оодай, и Уделом *Ная* – Полями Праха. Они же подчинили себе экидинов – гекконолюдов Болотной провинции, и армии Праведного Государства пришлось сражаться на два фронта, пытаясь уберечь жителей от нежити, и в то же время не позволить экидинам прорвать кордоны на границе с *Савано*.

¹¹ **Най** – один из Богов-Хозяев, олицетворение тяжёлой мучительной смерти, покровитель чёрных духов и нежити, особо почитаем некромантами.

¹² **Куродама** – чёрные духи, прислужники *Ная*; мешают душе уйти в Удел бога, которой она поклонялась и обещала себя при жизни, или в *Оримэ* (место ожидания перерождения или иной судьбы), заманивают в Поля Праха (Удел *Ная*), и там душа медленно и мучительно обращается в прах или служит *Наю* в виде нежити.

Империя Сэйтэй едва не погибла. Хвала Магоо, старшему из Богов-Наставников – Макото Оканэ, младшему принцу, удалось выжить. По традиции младшие принцы имперского правящего дома становятся служителями культа Магоо – Бога Времени. Страже Первого Храма удалось вывезти принца Макото из столицы и укрыть на время, а затем принц смог собрать союзников и подавить восстание культистов. Но после этого принцу пришлось противостоять самому Богу Смерти и принести себя в жертву, чтобы служители Магоо смогли поместить его жизненную и магическую силу в огромный кидама – кристалл сил. С помощью кристалла удалось изгнать Ная в его Удел и запечатать границу между Оодай и Полями Праха. Кристалл этот отныне стоит посреди Первого Храма и называется Кидама Макото...

Кризис Ная завершился победой, но Империя Сэйтэй осталась в руинах – в прямом и переносном смысле: десятки селений были разорены, целый город, столица дома Хигара, оказался разрушен до основания, столица Праведного Государства Тэйто также сильно пострадала. На границе с Савано ещё два года продолжалось противостояние с гекконами. Но что хуже всего – прервалась династия Оканэ, и шесть лет Праведное Государство лихорадило борьбой за власть. Прошло уже шестнадцать лет правления Императора Таноши Гинро, а Империя Сэйтэй всё ещё залечивала эти раны.

Университет магии прежде располагался в Тэйто, но культисты и нежить практически сравняли его с землёй. Кадаю пришлось искать себе новое место. Им и стали остатки форта на западном побережье озера Ойнару, поодаль от столицы, захватившей весь северо-западный берег. Основательно перестроенный и расширенный, форт стал раза в два больше прежнего и теперь представлял собой четырёхэтажное кольцо с четырьмя башнями по сторонам света и Башней Совета Кадая в центре внутреннего двора.

За шесть месяцев учёбы робкая Кимри побывала только в очень небольшой части замка: на первом и втором этаже Северо-Восточного сектора, где находились столовая и спальни первошагов, в Восточной башне, самой большой из четырёх, целиком занятой библиотекой, да в нескольких лекционных и тренировочных залах Юго-Восточного сектора. Южная башня преграждала проход в Юго-Западный сектор. Это была сохранившаяся часть старого форта и, кажется, она не пользовалась популярностью ни у учеников, ни у преподавателей: там не было классов и жилых помещений. Собственно, Кимри понятия не имела, было ли там вообще что-нибудь. Странно, что клуб разместили в таком месте...

Кое-как срисовав схему коридоров и лестниц, Кимриналь решила, что перед тем, как отправляться в клуб, обязательно ещё раз вернётся к плану или, может быть, даже попросит кого-нибудь проводить её... если осмелится, конечно.

Вернувшись в комнату, она увидела, что Шахарро уже ушёл, и снова прилежно села за дневник.

«Крепость Нака – страшное захолустье. Если вы хоть раз там окажетесь, то почувствуете это с первого взгляда на её старые давно не запирающиеся ворота, из которых местами повывлетали гвозди; вы ощутите это с первого шага по её узким грязным улочкам и проломленным ступеням мрачной таверны. Покосившиеся развалюхи-дома нахлобучены друг на друга так, что удивительно, как это они не рассыпаются от одного крепкого порыва ветра. Даже графский замок больше похож на древний заброшенный склеп: так и кажется, что из-за перекошенных скрипучих дверных створок сейчас посыплются скелеты или ещё какая-нибудь наева нечисть.

А ещё – запах. Вонь крепостного канала. Вода, заполняющая ров вокруг стен, освежается и обновляется водами озера Нака (в честь которого, собственно, без особых затей и называли крепость). Или, если угодно, реки Ядзиро, которая протекает почти через всю провинцию Накано, впадает в озеро Ойнару, в среднем течении образует озеро Нака, и несёт далее свои воды далеко на юг, до самого моря Эрай. Словом, канал внутри крепости, проходящий

вдоль стен графского замка и разделяющий городишко на две неравных части – настоящая помойка. Давным-давно, когда Наку только основали, и шла какая-никакая торговля, канал был частью реки Ядзиро и благополучно служил как местом для причала торговых судов, так и проточной канализацией. Но после Кризиса Ная прежний граф Наки восстал против Праведного Государства и ввязался в войну с домом Минамон, что на юге, в самой дельте Ядзиро. Опасаясь осады и вражеских диверсий, граф приказал наглухо заложить ворота с обоих концов канала. Теперь вода в этом слепом отрезке застаивается и цветёт, а по берегам разрастается сорная осока. Жители тем временем, не особо задумываясь, привычно сливают в него нечистоты. Мне часто приходилось прятаться под старым полуразвалившимся причалом или возле бывших ворот для торговых илюпок, где осока растёт гуще всего. Первое время дома у хёдинов казалось, я никогда в жизни не смою с себя эту вонь. Мне чудилось, опекуны узнают по ней о моём появлении задолго до того, как увидят, хоть они и убеждали меня, что это лишь их чуткий котолюдский слух улавливает издали шаги...

Очень скоро меня взяли в услужение в Накский шисэн. Старшей там ещё с докризисных времён строгая гекконолюдка Йак Та. Поначалу она показалась мне холодной и суровой, но на самом деле мало кто так же заботится о «своих девочках», как Йак Та.

Конечно, я могла выполнять только самую простую работу: вымыть, убрать, принести, унести, отскоблить да отчистить. И, кажется, меня взяли только потому, что я – девочка. В шисэне жили и работали одни женщины. Все мужчины, которых я видела там, лишь приходили на время, поработать или проконсультироваться.

Очень скоро жизнь магов совершенно заморозила меня. Подметая пол в комнате Айдаль, я засматривалась, как она тщательно и аккуратно смешивает зелья, а прибираясь в подвальных комнатах, всякий раз пыталась понять, как Тайрэ вызывает это красивое лиловое свечение, и для чего она это делает. Эша меня немного пугала: её страсть к магии Пути Разделения порой переходила границы разумного, и другим волшебницам приходилось призывать Йак Та, чтобы она остановила «эту сумасшедшую, пока все мы не сгорели от её Огнедара».

Конечно, я и думать не могла о том, чтобы кого-нибудь о чём-то расспрашивать. Слугам ведь полагается быть незаметными. Но в редкие свободные минуты я тайком брала какую-нибудь книжку и, спрятавшись, разбирала написанное. За год до того мне повезло найти на скамейке в замковом парке «Моджи» — букварь с картинками. Наверное, позабыл кто-то из детей прислуги, а я не смогла заставить себя вернуть его. Точнее, даже не так – я не могла себе этого позволить. Я должна была выбиться из нищеты любой ценой, а значит – учиться, использовать малейшую возможность приобрести какие угодно знания. Второй книгой был «Детский Мидаритцу» — пересказ истории сотворения Оодай. Его я взяла с прилавка в книжном. Там их было несколько, и этот томик стыдливо прятался во втором ряду, потому что у него была надорвана обложка и страницы покоробились от воды, вряд ли кто-то стал бы его покупать.

Чтение поначалу давалось мне тяжело, но желание понять, что такое магия и как ею овладеть, было столь же сильно, как и страстная жажда узнать, кто мои родители, и почему я так необычно выгляжу. К четырнадцати годам я перечитала всё, что только могла позаимствовать в шисэне с книжных полок и прикроватных столиков. Несколько раз мне чудом удавалось быстро вернуть хозяйкам их «куда же я положила...» книжки. Но однажды меня поймала сама Йак Та: я зачиталась томом «Сакийо» — сборником долетописных мифов, стащенным из её личного шкафа уже во второй раз. Старая экидинка подошла так неслышно, что, увидев её вдруг прямо перед собой, мне осталось только вскочить и протянуть ей книгу, выдавив невнятные извинения. Я уже представляла, что скажет Дораша, когда узнает, что меня вышвырнули за воровство, и как будет разочарована Саррма... Но Йак Та лишь спросила: «Интересно?» Я честно кивнула. Йак Та хмыкнула протяжно (к тому

времени меня уже перестали удивлять её тягучие интонации), вернула мне книгу и, уходя, бросила через плечо: «Будь любезна, в следующий раз просто спроси». Аса'ю¹³ ведаёт, почему я, действительно, не попробовала спросить разрешения хоть раз... Конечно, мало кто обращал на меня внимание до тех пор, пока не нужно было что-то прибрать или принести; я воспринимала это как должное, мне и в голову не приходило заговорить с кем-нибудь первой. Но, с другой стороны, Йак Та всегда была доброжелательна со мной...

Конечно, с тех пор я всегда спрашивала разрешения. И – начала пробовать колдовать. Путь Разделения пугал меня, потому я решила начать с заклинаний Пути Миражей. Надо признать, я не обнаружила в себе больших способностей и потратила на изучение простенького заклинания магического света несколько месяцев...»

В одиннадцать вечера, как обычно, прозвучал гонг ко сну. Застегнув обложку блокнота, Кимриналь спрятала его в ящик стола и заперла на ключ, который всегда носила с собой. Переодевшись в ночное, Кимри легла. От перестановки в комнатке было непривычно, матрас почему-то казался жёстче, чем прежде, а из окна, в которое упиралось теперь изголовье, тянуло по щеке холодком.

Ученики почти все разошлись по своим спальням. Тяжёлый бархат ширм приглушал звуки, но некоторое время всё равно слышались шаги, возня и болтовня, особенно из угла, где жили Двойняшки. Две тайсоминки подружились с первого дня в Кадае: очень уж они сошлись буйным хулиганским нравом. И хотя Киналь была совсем беленькая, а Римта рыжеватая блондинка, Киналь худая, а фигура Римты то и дело притягивала взгляды учеников мужеского пола – прозвище прилепилось к ним сразу и навсегда. Сейчас две эти желтоглазые бестии, отгородившись от общей спальни, но оставив незадвинутой ширму между их комнатками, опять чем-то гремели и хихикали. Потом вдруг хлопнуло, вспыхнуло, и по спальне распространился сильный запах гари. Соседи заворчали на балбесок, кто-то открыл дверь, чтобы скорее выветрилась вонь. Кимри приоткрыла окно и закуталась в покрывало, с удовольствием вдыхая душистый воздух. Уже середина месяца Тёплых Ветров, холодные зимние дожди, так и не ставшие в этом году снегом, давно закончились, и ветер кружил голову благоуханием цветов ранней сливы, молодой травы и свежей клейкой листвы.

Натянув покрывало на голову, Кимриналь думала, что уснёт, как обычно, быстро, но сердце то замирало в холодном спазме, то принималось заполошно стучать в висках. Мысли о завтрашнем собрании Археологического клуба не давали покоя. А вдруг мастер Эшши-Дан не примет её? Или вдруг ученики поднимут её на смех и будут мучить издёвками? Или... или... Что только не лезет в голову накануне важного дня...

¹³ Аса'ю – одна из Богов-Хозяев, мать рассвета и заката, направляющая и усиливающая магические силы; особым образом связана с Небесной и Лунной Семей; единственная из Богов-Хозяев, кто по-настоящему заботится о своих верных.

2. Новое

Утром Кимри разбудило басовитое покашливание возле ширмы и негромкий, но сильный стук, от которого задрожали створки.

– Кто там? – пробормотала Кимри, едва разлепляя глаза.

– Слышь, хэльги¹⁴. . . все уже на завтрак ушли, – узнала она хмурый бас Роддвара.

– Аса'ю-Мать! Я проспала гонг!

Кимри в панике скатилась с постели и принялась натягивать штаны, рубашку и форменную робу, забыв даже поблагодарить северянина. Он протопал к выходу и уже с порога прогудел:

– Я это. . . место тебе займу.

На ходу увязывая волосы в узел и скрепляя его двумя простыми тонэриковыми¹⁵ шпильками, Кимриналь влетела в столовую так стремительно, что несколько учеников оглянулись на неё. Гороподобный торс Роддвара возвышался за одним из столов в правом углу, но Кимри поспешила в противоположный край столовой, к длинному столу, на который повара выставляли готовые блюда – ученики называли его «кормушка». Кэриминка торопливо, почти не глядя, подхватила на поднос пару тарелок с чашкой чая, и повернула к столам, но тут меховая лапа скользнула по её пальцам, и поднос плавно поплыл в руке Шахарро, так что Кимри осталось только покорно шагать следом, отказываясь верить своим глазам. Что это? Эти двое всерьёз принялись заботиться о ней? Ну ладно, хёдин. Но – Роддвар?! От которого иной раз в два дня слова не услышишь?

– Спасибо большое, – пробормотала Кимри, едва справляясь с голосом, и села за стол, неловко громыхнув стулом. – Не нужно было. . .

– Каак же! – протянул Шахарро. – Ты бы пррроспала всё на свете, а потом любоваться, как ты сстойчески старраешишься не рреветь?

– Не дразнись, – хмуро бормотнул Роддвар, не поднимая глаз от тарелки, и кот захихикал:

– Боюсь-боюсь!!

Кимри едва не фыркнула следом, пряча улыбку за рукавом робы. Что это, в самом деле? Они так трогательно соревнуются, кто более заботлив?! С ума сойти. . .

После завтрака, прошедшего в забавной пикировке между Шахарро и немногословным, но не лишённым, оказывается, чувства юмора китадином, кот отправился на занятия второго шага, а Роддвар так и остался сопровождать Кимри и даже уселся рядом на истории магии.

От его присутствия было ужасно неловко. Двойняшки, мгновенно заметив новое соседство, принялись упражняться в остроумии, но так банально и глупо, что Кимри не сдержала досадливого вздоха. Впрочем, стоило Роддвару обернуться – всем корпусом, так что стул под ним жалобно застонал – как всё веселье с дурных шутниц словно ветром сдуло. «Синицы пискливые!» – пробурчал северянин недовольно, ударом кулака возвращая на место спинку, отъехавшую от сиденья. Кимри уткнулась в учебник, не зная, то ли ей смеяться, то ли стогреть от смущения.

Мастер Линно Томирис, кэримин, читавший им историю магии, объявил сегодня проверочную работу по пройденному материалу. Роддвар откровенно сморщился, снимая печать с чистого свитка. Кимриналь покосилась на него сочувственно, но не решилась что-нибудь сказать. Ей легко давались исторические науки, она с удовольствием читала летописи и мемуары, без труда запоминала имена и даты. Когда дежурный закончил раздавать свитки, мастер Томирис взял пачку нарезанных прямоугольниками листков с вопросами, раскрыл их веером

¹⁴ Хэльги (светлая) – китадинское обращение к женщине, хэлег – обращение к мужчине.

¹⁵ Тонэрико – разновидность ясеня.

и сам прошёл вдоль столов, предлагая ученикам выбирать. Кимри досталась общая хронология. Подправив перо, она открыла чернильницу и начала было писать, но тут же задела локтем руку Роддвара, сидевшего слева от неё, и нервно отпрянула. Вот что значит быть левшой. И вот что значит привычка сидеть одной. Кимри встревоженно покосилась в свиток соседа, опасаясь увидеть безобразную кляксу, поставленную по вине её неуклюжести, но северянин всё ещё перечитывал вопросы в своём листке. Кимриналь подавила вздох и тихонько отодвинулась подальше, чтобы больше не доставлять неудобств.

Значит, хронология...

Историки магии полагают, что вся Оодай изначально была создана около восьми тысяч лет назад при помощи божественной магии, слагавшейся из как минимум двух сил, жизненной и магической, и пяти элементов: огня, воды, воздуха, земли и пространства. Но об этом можно только строить догадки.

Первые Разумные, люди на востоке и эльфы на западе, появились около семи с половиной тысяч лет назад и магией не владели. Но уже спустя пять веков кофумины, подземные эльфы, открыли силы и элементы и изобрели первые заклинания. С этого момента исчисляется Эра Изменяющих Слов, которая длилась два тысячелетия.

Сначала магия была привилегией кофуминских учёных, но со временем даже эльфам-долгожителям понадобились преемники, так что две сотни лет спустя появилась Первая магическая школа. Это было закрытое заведение со строгим отбором.

Спустя ещё век был основан орден Служителей – Шиката, ещё более закрытый и элитарный. Шиката служили Богу-Создателю Мидару, Хаосу, в его положительной ипостаси, стремясь способствовать благим переменам и предотвращать дурные. Открытие Разумными магии принесло много хаоса в Оодай, много сложных, плохо предсказуемых и трудно поддающихся контролю изменений. Изначально Шиката занимались изучением магических сил, чтобы контролировать их и создавать способы разумного использования для всеобщего блага. В дальнейшем, на протяжении многих веков, Орден готовил советников для правителей.

В течение следующих тысячелетий магия получила широкое распространение. Около четырёх с половиной тысяч лет назад появились первые магические университеты в столицах, затем распространились шисэны в других сколь-либо значимых городах.

Около четырёх тысяч лет назад, в начале Эры Раздоров, возникло жестокое противостояние между кофуминами и древними эльфами из долины реки Ядзиро – ой'аминами. Почти полувековая магическая война закончилась полным истреблением кофуминов. Но разработанная ими магия, основанная на словесных формулах, уже получила столь широкое распространение, что стала почти единственной используемой. В ней постепенно выделились семь основных Путей – Миражей, Духа, Жизни, Разделения, Перемен, Веществ и Переноса. Кроме того, у разных народов возникли собственные Пути, такие как Путь Руки нандинов – южных людей, Путь Песни на севере, Пути Призывания, Смерти и Крови.

После того, как, три с половиной тысячи лет назад, опыты с магией Пути Крови привели к трагической гибели всей расы ой'аминов – Путь Крови был утрачен, и на попытки его возрождения был наложен запрет. Так же более строго стали относиться и к другим опасным Путям: Путь Призывания разрешено изучать только магистрам, Путь Смерти – запрещён, а тайные культы, продолжающие его использовать, подвергаются гонению.

К тому моменту, как прозвучал гонг окончания урока, Кимри исписала свиток целиком, последние строчки спешно теснились в нижней четверти листа. Роддвар, писавший крупно и размашисто, извёл два свитка и остался недоволен, но делать нечего – дежурный уже стоял возле стола, требовательно протянув руку.

Когда Роддвар сел рядом и на Пути Веществ, Кимри было всё ещё странно и неловко. Но когда он пошёл вместе с ней и на практику по Пути Жизни, которая сегодня проходила в лазарете, в дальнем конце Юго-Восточного сектора, кэриминка от души порадовалась: она

ещё очень плохо знала эту часть Кадая и всякий раз плутала по коридорам, рискуя опоздать на урок.

Последней сегодня была лекция по основам Пути Духа мастера Эттилора. Кимриналь слушала, затаив дыхание. Наставник заканчивал рассказывать об истории становления Пути Духа, и у Кимри тихо кружилась голова, когда она пыталась осознать, каким удивительным вещам можно попытаться научиться. Практические занятия пока заключались в обучении ан'т-эй¹⁶, но на следующем уроке мастер Эттилор обещал показать первое заклинание, самое простое – *чувство жизни*. Всякому знакомо ощущение пристального взгляда в спину, и его можно развить до такой степени, чтобы суметь почувствовать чьё-то живое присутствие, даже если человек не смотрит на тебя или вообще находится за стеной, в другой комнате. Теперь Кимри не терпелось узнать в подробностях, как же всё это делать.

Когда лекция закончилась, Роддвар некоторое время сидел без движения, вперившись в свои записи. Наконец, тяжело вздохнув, захлопнул тетрадь.

– Ты хоть что-нибудь разбираешь в этой виталвирской грамоте? – спросил он у Кимри.

– Ну, вообще-то, да. А что это ты сказал, в какой грамоте?

– Виталвирской. Гайминской, если по-имперски. Это у нас в Китано такие «белые эльфы» были, гаймины. Ушли давно на дальний север и там сгнули. Находятся иногда в тундре костяные таблички с письменами, но до сих пор никто их прочитывать не может.

– Понятно. А Путь Духа... ну, требует терпения, знаешь. Самодисциплины и тонкого самонаблюдения...

Кимри смолкла, увидев, как скривился Роддвар.

– Не, вот молот зачаровать – это я понимаю, – китадин размахнулся кулачищем, изображая удары, – бах-бах! – и однорог¹⁷ в тряпки! Вот это – магия. А тут сидишь, битых полчаса пялишься в точку на стене, чтобы ощутить, когда волосы на загривке зашевелиятся... Да у меня раньше иголки в отсиженном заду начинают колоть! Не, это, вон, к Безмолвным в Дом Неба, они в ан'тэй знают толк... А мне бы как-нибудь попроще бы.

– А Безмолвные – это кто? – решила снова спросить Кимри, заталкивая поглубже ощущение собственной необразованности.

Но Роддвар принялся спокойно рассказывать о знаменитой в Китано общине Безмолвных.

Около двух с половиной тысяч лет назад старшие эльфы развязали большую войну с Первой Империей Сэйтэй и, в надежде разломить силы врага надвое, практически завоевали Китано. Маги тайсоминов оказались сильнее и способнее китадинских воинов. Тогда на помощь пришли шаманки. Традиционно их магия считалась слабой и пригодной лишь для целительства. Но когда возникла угроза полного истребления северного народа, шаманки принялись изучать Путь Слова – предтечу почти всей ныне используемой магии. Кофумины, подземные эльфы, изобрели большинство современных словесных формул для заклинаний, сплетя слова, силы и элементы так, чтобы достичь наилучшего эффекта. Изучая их взаимодействие, шаманки создали собственную школу – Рёст, или Путь Песни. Известно, что особым образом подобранные кофуминские слова соединяются с силами и элементами и упорядочивают их необходимым образом, придают нужную форму и проявление. Уловив закономерности влияния звуков на силы, шаманки создали собственные заклинания, используя как основу не слова, а приёмы звукоизвлечения самталь – традиционных пастушеских песен и зазывок. Эффект этих заклинаний оказался удивительно силён, так что, когда через полгода почти уни-

¹⁶ Ан'тэй – состояние спокойной сосредоточенности (имперск.), упражнение на концентрацию магического внимания, особого рода медитация.

¹⁷ Однорог – крупное млекопитающее, похожее на шерстистого носорога, обитает в тундрах Китано и Северного Дайчино.

– Это дома у нас обычай – битва слов, если по-вашему. Чем зря кулаками махать – бьются словами: обзывают, подкалывают, высмеивают. Надо ответить достойно. Проиграл – можешь уйти или кулаки в ход пустить. Но непременно после. Только редко хочется.

– Умно, – признал хёдин. – Чем друг друга калечить попусту, лучше позубоскалить да пар спустить. Тот, кто придумал, был мудрым военачальником, не иначе!

– Угу, – согласился Роддвар. – Норгейр – сила.

Кимри они догнали возле самой столовой, подошли, нарочно улыбаясь, чтобы она видела: друзья помирились и готовы, как договаривались, проводить её в Южную Башню.

Чтобы попасть туда, им пришлось пробираться по заброшенным коридорам и захламлённым комнатам позади лазарета на первом этаже Юго-Восточного сектора, потом спуститься в подвал по лестнице со стороны внешней стены замка и пройти по кое-как освещённым коридорам до внутренней стены. Кимриналь от души порадовалась, что отправилась сюда не одна. Как есть заплутала бы, точно пришлось бы после её разыскивать.

Вход в Южную башню преграждала дверь, обитая проржавевшими железными полосами. Несмотря на всю древность, она оказалась такой тяжёлой, что открыть её взялся Роддвар. Шахарро фыркнул, мол, и кому только ума хватило с раскопок эту рухлядь сюда притащить. За дверью оказалась винтовая лестница, тёмная, пахнувшая пылью и крысами. Шахарро наколдовал *свечной огонёк* и пустил его плыть над головами: со старых, истёртых и местами выщербленных ступенек не мудрено было свалиться. Шагая между хёдином и северянином, Кимри размышляла, решила бы она сунуться на эту мрачную лестницу, если бы пришла одна, или сбежала бы в ужасе? Если бы, конечно, вообще добралась сюда...

Подниматься пришлось довольно долго, на самый верх, и Шахарро несколько раз обновлял заклинание. Наконец, когда у Кимри уже слегка закружилась голова, на стене впереди появился жёлтый отсвет. Вскоре ученики вошли в пустоватый полукруглый зал. Несколько столов и стульев сгрудились в беспорядке у правой стены. У левой теснились высокие узкие шкафы, буквально заваленные свитками, коробками и старыми, растрёпанными книгами. Комнату освещало несколько свечей в стеклянных лампах непривычной формы. В дальнем, самом тёмном конце зала смутно виднелась ещё одна дверь.

– Эхम्म... – произнёс Шахарро, в недоумении осматриваясь, и громко чихнул.

В самом деле, в комнате стоял сильный запах пыли, старого пергамента и кожи.

– Будьте здоровы! – раздался неожиданно звонкий девичий голос, и откуда-то из-за шкафов высунулась небольшого росточка ринминка.

Увидев рыжую растрёпанную шевелюру и плутовские глаза лесной эльфийки, Шахарро воскликнул:

– Лиснетта?

– Ой, ко-отик, и ты здесь! – обрадовалась она, подбежала и фамильярно почесала хёдина за ухом, на что он, к изумлению Кимри и Роддвара, совершенно не отреагировал, словно так и было заведено от начала Оодай...

– Как здорово, что вы пришли! Может, наконец-то, уже начнутся собрания! Для меня одной мастер Эшши-Дан отказывается читать лекции, – она скроила забавно-печальную рожицу.

– Вообще-то, я только хотел проводить Кимри, шштоб не заблудилась, – попытался отпереться Шахарро, но Лиснетта даже слушать не стала и принялась командовать котолюдом и Роддваром, показывая, как расставить столы и стулья.

Кимриналь отошла в сторону, чтобы не мешать, и оказалась у тяжёлой портьеры, той самой, которую приняла сначала за вторую дверь. Когда комната приняла вид, более похожий на класс, Лиснетта громко позвала:

– Наставник! Мы готовы!

Позади портьеры послышались шаги, и из тёмного проёма стремительно вышел высокий хаймин¹⁹ лет семидесяти. Узкопалая тёмная рука его отшвырнула плотную ткань таким резким движением, что край её ощутимо хлестнул по лицу не успевшую отпрянуть Кимриналь. Сделав несколько шагов, учитель столь же внезапно остановился, окинул взглядом изменившуюся комнату, троих учеников и почти выплюнул:

– Это всё?

– Нет, – храбро ответила Лиснетта. – Позади вас ещё...

Ринминка сообразила, что до сих пор не узнала имени молчаливой ученицы, и запнулась. Мастер Эшши-Дан обернулся. Под его тяжёлым взглядом, быстро наливающимся таким знакомым презрением, Кимриналь невольно втиснулась спиной в холодную стену. Вот бы сейчас камни расступились и проглотили её прямо на этом месте... Хашин – Кимри вспомнила его титул – окинул взглядом всю её с ног до головы, потом вперился прямо в глаза с таким выражением, словно собирался спросить: «Ты ещё что такое?» Но, видимо, счёл это ниже своего достоинства, отвернулся, как от пустого места, и снова обратился к Лиснетте:

– Значит, больше никого?

– Это больше, чем в прошлом году! – заявила она. – И мне сказали, что минимум для работы клуба – четверо учеников. Нас как раз столько!

Мастер Эшши-Дан пару секунд смотрел не то на дерзкую ринминку, не то в пространство перед ней, затем совладал с раздражением и бросил:

– Садитесь.

Кимри, ни жива ни мертва, добрела на бесчувственных ногах до ближайшего стола и присела на самый край стула. Учитель сел за свой стол и, после довольно долгой паузы, произнёс холодно:

– Прежде чем я решу, стоит ли с вами заниматься, вы должны ответить мне на один вопрос. Письменно.

Он помолчал, чего-то ожидая – ученики смотрели на него неподвижно, как под заклинанием *обворожения*. Хашин опять рассердился.

– Что вы сидите? Доставайте свитки, перья, пишите!

Под нетерпеливое постукивание длинных нервных пальцев, ученики поспешно зашуршали письменными принадлежностями.

– Готовы? Итак, вопрос: «Зачем – я – хочу – изучать – археологию?» – продиктовал он с расстановкой. – Записали? У вас полчаса.

Мастер Эшши-Дан поднялся, в три крупных шага пересёк комнату, выудил из беспорядка в одном из шкафов потрёпанный том, вернулся за стол и погрузился в чтение. Шахарро и Роддвар переглянулись, посмотрели на Лиснетту, умоляюще сложившую ладони, на Кимри, не смеющую поднять глаз... Хёдин пожал плечами, обвил хвостом ножку стула и принялся писать. Роддвар поскрёб в затылке и последовал его примеру. Лиснетта, просияв, послала обеими руками воздушный поцелуй, потом прикусила кончик языка и тоже принялась строчить, крепко нажимая на перо, так что оно скрипело, царапало бумагу и брызгалось чернилами.

Минут пять Кимриналь просто сидела, бессмысленно глядя в пустой свиток. От пережитого унижения в голове до сих пор тяжело ухало и звенело. Немного придя в себя, она записала наверху страницы вопрос и задумалась. Что и как можно ответить, чтобы столь надменный учёный воспринял её всерьёз? Выразить восторженное увлечение историей кажется глупым. А до правды – какое ему дело? Если он смотрит так, будто даже за разумную особь её не почитает... С другой стороны, пытаться придумывать что-то льстивое – ещё глупее: она не умеет

¹⁹ **Хаймины** – пепельные эльфы; по сути происходят от кэриминов, но ведут кочевой образ жизни, отличаются более сухощавым сложением и более тёмным цветом кожи.

врать и только оправдывает дурное мнение о себе. Когда от предложенного времени осталось минут десять, Кимриналь с решимостью отчаяния написала всего несколько фраз:

«Я родилась в год Гнева Баарота и потеряла родителей ещё младенцем. Всё, что я о себе знаю – это то, что я вижу в зеркале. Я хочу научиться отыскивать и изучать архивные документы, чтобы узнать хоть что-то о своём роде. Хочу иметь возможность с честью называться кэриминкой или по справедливости причислить себя к иному народу. Хочу достойно и по именам почитать моих предков».

Когда мастер Эшши-Дан закрыл свою книгу и сообщил, что время истекло, Кимриналь свернула свиток, аккуратно перевязала его и, подойдя к столу на расстояние вытянутых рук, положила на край, не смея поднять глаз. Сама не зная, что на неё нашло, Кимри попятилась на несколько шагов назад, и только оказавшись в проходе между столами, осмелилась повернуться к мастеру Эшши-Дану спиной, так и не заметив, что он наблюдает за её манёврами, приподняв правую бровь.

– Жду вас послезавтра, – произнёс учитель, заполучив все работы, поднялся и стремительно скрылся за портьерой.

Несколько ошарашенные, ученики вышли на лестницу, и тут Шахарро испустил долгий шипящий выдох, слегка оскалившись, встопорчив усы и нервно размахивая хвостом.

– Во шшшто это я ввязался?! – протянул он, глядя на Роддвара.

Северянин флегматично пожал плечами и аккуратно поддержал под локоть покачнувшуюся Кимри.

– Да ладно тебе, – беспечно улыбнулась Лиснетта, которую единственную, кажется, не впечатлило поведение хашина. – Он не такой уж и злой. Просто ему досадно, что его исследования никому особо не интересны. Вы только посмотрите, куда загнал его Совет Кадая!

Легко махнув рукой, ринминка зажгла зеленовато-жёлтый *миражный светляк*, искристым шариком поплывший перед ними. Всю дорогу до спален Лиснетта болтала с Шахарро. Роддвар и Кимри молча брели позади. У спален первошагов ученики расстались – Лиснетта ушла с хёдином на третий этаж, в спальни второшагов.

Оказавшись в своей секции, Кимриналь задвинула ширму, хотя до гонга было ещё несколько часов. Обессиленно рухнув вниз лицом на постель, она пролежала так, бездумно и неподвижно, с полчаса. И только тогда накатила нервная дрожь. Кимри зарылась лицом в подушку и беззвучно разрыдалась.

3. Обессиленность

Наутро Кимриналь проснулась с тяжёлой головой и тяжёлым сердцем. Медленно, как ржавый кофуминский механизм, оделась, умылась и причесалась, и также медленно добрела до столовой, забившись там за стол в самом дальнем углу. Впрочем, Шахарро без труда отыскал её и уселся рядом, сонно промурчав что-то вроде приветствия. Следом пришёл Роддвар, сразу создав своим гороподобным торсом ощущение тесноты.

После первой чашки чая хёдин взбодрился и заговорил:

– Нну, и шшто это такое было вчера? Шшшто этот Эшши-О'ай²⁰-его-задерри-Дан мнит о себе?!

Кимри вздрогнула и с грохотом уронила на пол ложку. Шахарро возмущённо фыркнул, нырнул под стол и оттуда глухо проворчал:

– Доводит учениц до неррррвного сррыва... шштоб его Най взял!

Кимриналь смущённо забрала ложку и, сама не очень понимая почему, возразила:

– Он... наверное, просто так воспитан...

– Чего? – котолуд откровенно вытаращил глаза и завис над стулом, забыв сесть.

– Ты же говорил, что он – хаймин и последний хашин. Я читала, что хаймины вообще никогда не были особо дружелюбны. А их хашины привыкли к беспрекословному послушанию и поклонению. Представь, каково должно быть после этого – здесь, где его, кажется, даже все-рьёз не воспринимают...

Хёдин плюхнулся на сиденье и собрался что-то ответить, но его перебила подскочившая вчерашняя рыжая ринминка:

– О, соклубники! Доброго утречка!

Роддвар подвинул свой стул, чтобы Лиснетта смогла устроиться рядом.

– Привет, рыжая лесная бестия, – встопорщил усы в улыбке Шахарро.

– Чего такие понурые? Совсем вас мастер Эшши-Дан запугал вчера? – ринминка булькнула в чашку, но встретилась с серьёзным взглядом северянина и чуть не поперхнулась.

– Не запугал, – произнёс Роддвар, будто камень на стол уронил.

– Это ж здорово! Значит, завтра вы все придёте, ура!

– А чего ты так туда рвёшься? – спросил хёдин.

– Обожаю всякое старье! – хихикнула рыжая и сверкнула жёлтыми глазами, подкрашенными, по ринминской моде, золотой краской вдоль нижних ресниц. – Я выросла недалеко от развалин древнего города, и ты не представляешь, сколько всего там находила! Однажды откопала здоровый тяжеленный щит, окованный железом – мать меня чуть вместе с этим щитом за порог не выкатила! – Лиснетта расхохоталась. – Вы бы видели, как я бесилась! Я ж его пока дотащила, чуть по мостовой не размазалась, а тут – вон велят! Отец заступился и сказал, что мне надо учиться на археолога. В общем, это то, что я люблю больше всего в жизни!

– Ну и ну, – покачал головой хёдин.

– А ты-то как там оказался? Вот уж кого я не ожидала увидеть на нашем пыльном чердаке!

Шахарро насупился:

– Вот если бы хоть кто-нибудь меня послушал, то давно бы уже знал. Я всего лишь хотел проводить Кимрри, шштобы не заблудилась в этих кррысиных норахх! А теперь, кажется, придётся ради неё заделаться котом учёным, шштобы она не обратилась в пепел под взглядом твоего хашина.

– А тебе зачем? – любопытно уставилась на Кимри ринминка.

²⁰ О«ай» – один из Богов-Хозяев, покровитель всяческой скверны – пауков, червяков, праха, тлена, телесных болезней и разных нечистот, не только физических, но и духовных (лживость, склочность, подлость, предательство).

Кимриналь вздохнула, повертела ложкой в чашке, но так и не решилась ответить правду.
– Это... личное, извини, – пробормотала она.

Лиснетта беспечно пожалла плечами, мол, ну и ладно, и повернулась к Роддвару.

– А ты – тоже в качестве телохранителя?

Северянин покосился на рыжую и неожиданно ответил:

– Не. Я деда хочу найти.

– А где он?

– Вот и я хочу знать – где. Уехал искать фамильную вещь и сгинул.

– Как интересно! – подпрыгнула Лиснетта. – И ты так и написал? Это же здорово, мастер Эшши-Дан любит, когда есть ясная цель! А то приходят шуты какие-то «позырить на последнего хашина» – тьфу!

– Слышь, ты бы ела. А то скоро гонг к занятиям, – проворчал Роддвар, утомившись от её болтовни.

После нудного урока истории у мастера Тошиго и лекции по травоведению у мастера Смиланы Флорич, которые Кимриналь просидела, как в тумане, Роддвар практически под руку довёл её до следующей лекционной, потому что кэриминка уже второй раз попыталась свернуть не в тот коридор. Ей самой было досадно, но тоска, охватившая её после вчерашнего, никак не отпускала. Стоило только представить, что завтра придётся опять подниматься по жуткой лестнице в полузаброшенную башню и выносить презрение хаймина, как на глаза наворачивались слёзы отчаяния.

Почему ей должно было настолько не повезти? Почему ей вообще всю жизнь так ужасоюще не везёт? Начиная с того, что она осталась без родителей, не понятно какого роду-племени, и заканчивая теперь тем, что самый нужный ей в Кадае учитель оказался высокомерным хашином... И на что ей теперь надеяться?..

Голос мастера Эттилора немного привёл Кимри в чувства. Сегодня, как он и обещал, начали учиться *чувству жизни*. Первое задание было довольно простым: нужно было сесть спиной к лекционной и, не оборачиваясь, определить, кто именно из учеников пристально смотрел тебе в спину в течение полуминуты, пока остальные прилежно тарачились в тетради или за окно. Кимриналь правильно определила пять раз из пяти. Роддвар четырежды ошибся и вернулся на место смурной, опять поминая Безмолвных.

В следующем упражнении нужно было завязать глаза и крепко зажать уши, чтобы не слышать шагов, и так определить, сколько человек прошло мимо за твоей спиной. Кимри снова правильно определила все пять раз, и ей даже показалось, что она не просто почувствовала чьё-то присутствие, приближающееся и удаляющееся, но даже увидела внутренним зрением едва различимо светящиеся силуэты. Бедняга Роддвар не смог правильно определить ни разу... Кимри стало жалко добродушного северянина, но она не решилась проявить сочувствие вслух: вдруг обидится?

В конце занятия мастер Эттилор указал каждому на ошибки, а Роддвара мягко похлопал по спине и сказал, обращаясь к нему и другим неудачливым ученикам:

– Ничего, не расстраивайтесь, не все призваны идти по Пути Духа, и это вполне нормально. Зато вы наверняка хороши в другой магии. А простейшим заклинаниям, достаточным для выпускного испытания, я вас научу. Нужно лишь немного тренировки.

Направляясь на обед, Роддвар всё равно недовольно ворчал:

– Семь потов сошло, как на Дом Неба взлез, а толку ноль. Целого древорога²¹ бы сейчас сожрал! – Он и вправду сгрёб на свой поднос приличную порцию еды и взгромоздился на стул. – Вот скажи мне, как это у тебя так легко выходит?

Кимри, без особого аппетита ковыряя вилкой салат, пожалла плечами:

²¹ Древорог – олень, обитающий в тундрах Китано и Северного Дайчино.

– Я, правда, не знаю. Просто чувствую.

Она, пожалуй, могла бы рассказать о наксской школе уличной травли... Но гордость не позволила. Здесь никто, разумеется, не знал о её нищем детстве, и сама она не призналась бы ни за какие кристаллы²².

Следующее занятие вёл мастер Инх Шэк, экидин²³, наставник Шахарро в магии Пути Разделения. Вот где Кимриналь чувствовала себя совершенно неуютно, несмотря на то, что все они, конечно, сначала изучили на уроках Пути Перемен простой щит от магии и занимались, используя его, под строгим надзором учителя. Всё равно было ужасно неприятно видеть сквозь марево щита, как прямо тебе в лицо несётся сгусток пламени. Особенно, если напротив оказывался кто-то из безбашенных Двойняшек. Они вечно норовили нарушить правила и придумать какую-нибудь опасную дурость, которую гордо называли «боевой уловкой». Очень мило...

Впрочем, сегодня, на радость Кимри, Роддвар решил опекасть её и здесь. Путь Разделения давался ему куда легче, наверное, потому, что был, в общем, не намного сложнее, чем бой на мечах. Мастер Инх Шэк, конечно, прочитал им курс теории о том, как происходит соединение элементов с магической силой и трансформация в реальное, физическое пламя, холод и молнию, но помнить об этом, раз научившись, было совсем не обязательно.

Однако накотившая усталость сыграла с Кимри дурную штуку. Сначала она едва смогла поддерживать щит достаточно долго, чтобы защищаться. А потом, направляя на Роддвара поток замораживающего воздуха, потеряла контроль над заклинанием. Никто сначала даже не понял, что произошло – просто тихий шелест ветра почему-то повысился до неприятного свиста. Роддвар едва успел что-то произнести, как его слабый щит с неприятным хрустом разлетелся под резко возросшим напором, и ледяной поток сбил растерявшегося северянина с ног, протащил через половину тренировочного зала и буквально впечатал в стену, окутав инеем и паром.

Мастер Инх Шэк с яростным шипением ударил Кимриналь одновременно по рукам и по лицу, выводя из опасного транса. Увидев, что натворила, она вскрикнула и бросилась к Роддвару, но он, ко всеобщему изумлению, оттолкнулся от стены и только встряхнулся, окатив сокурсников брызгами растаявшего инея.

– Вам иссключительно повезло! – яростно просвистал мастер Инх Шэк прямо в лицо и без того чуть не плачущей Кимриналь. – Никогда! Ни-ког-да не теряйте контроля над собой! Вы покалечите друг друга и заполучите исстощение сами! Путь Разделения не терпит небрежности и больно наказывает!

Ученики притихли, только Двойняшки где-то позади возбуждённо перешёптывались.

– Вы! – Инх Шэк ткнул чешуйчатым пальцем в Кимри. – Ссадитесь и отдыхайте до конца урока. Наблюдайте! И думайте, где допустили ошибку. А вы, – экидин обернулся к Роддвару, – как себя чувсствуете?

Тот пожал плечами:

– Нормально. Мокро.

Мастер Инх Шэк несколько раз обошёл ученика вокруг, проводя вдоль его тела шершавыми ладонями, которых большинству людей и эльфов так неприятно касаться. Одежда под током горячего воздуха быстро высохла. Роддвар несколько раз поморщился, но вытерпел молча.

После занятия Кимриналь робко подошла к нему и, едва осмеливаясь поднять глаза, выговорила:

– Пожалуйста, прости меня!.. – Роддвар обернулся в недоумении. – Я могла навредить тебе! Прости...

²² Кристаллы – просторечное название золотых монет с изображением Кидама Макото.

²³ Экидины – гекконолюды, жители Болотной провинции – Савано.

Он, против её ожидания, улыбнулся:

– Неа. Не могла. Я же северянин, забыла? Холодом меня так просто не взять. Я тренировался. Ты и с ног-то меня сбила только потому, что уж совсем врасплох застала.

– И не больно было?

Китадин пренебрежительно двинул плечами:

– Не больнее, чем снежком по морде. Игра детская.

Кимри, низко опустив голову, пробормотала:

– А если б я огнём?..

Роддвар ухмыльнулся:

– А на это у нас знаешь, как говорят? Если б да кабы росли во рту хайнские грибы, то был бы не рот, а фонарь наоборот.

Кимри фыркнула в рукав, и северянин, довольный, что сумел развеселить, протянул ей широченную ладонь:

– Пошли, хэльги. А то, вон, Двойняшки шепчутся, опять чего-то удумали.

Кимриналь растерялась, но всё-таки протянула руку, и Роддвар так и повёл её, будто маленькую, в следующую лекционную на урок Пути Жизни.

Мастер Йосини, неожиданно низкорослая для шиндинки²⁴, но крепко и ладно сложенная женщина лет сорока пяти, взглянула из-за своего стола на вошедшую парочку и улыбнулась: маленькая кэриминка рядом с громадным северянином выглядела так трогательно. Однако, пристальнее взглядевшись в лицо ученицы, Мастер Йосини нахмурилась.

– Кимри, – позвала она, – подойди-ка. Что с тобой случилось?

Кимриналь удивилась и покачала головой:

– Ничего, мастер Йосини.

– Ну, как же? Иди, иди сюда.

Целительница отвела недоумевающую ученицу за ширму и усадила там на стул.

– Милая, ведь я лекарь, я вижу, когда что-то не так. – Мастер Йосини оглядела её с ног до головы очень внимательно, поводила руками, не касаясь. – Кажется, кто-то так сильно тебя расстроил, что ты почти больна: напряжены мышцы здесь, здесь и здесь, и вся спина, повышена температура, понижена сила кровотока. Голова, наверное, кружится? Все признаки серьёзной потери силы жизни. И ради Никко²⁵, что с твоей магической силой?! Посиди-ка.

Мастер Йосини встала позади, прошептала несколько заклинаний, ещё поводила вокруг руками, и Кимри почувствовала невероятное облегчение, словно со вчерашнего дня всё внутри неё было завязано в тугие болезненные узлы, а сейчас их распустили, и сразу стало легче дышать, в голове прояснилось, и даже как будто улучшилось зрение.

– Ну, вот, – улыбнулась целительница, – теперь уже лучше. В следующий раз, пожалуйста, заходи ко мне сразу, не терпи до такого состояния.

– Хорошо. Спасибо большое!

– Да, и постарайся сегодня лечь спать пораньше. Я, конечно, полечила, но телу нужно восстановиться и естественным образом, иначе завтра опять будет то же самое.

– Хорошо, мастер Йосини.

На занятии учились восстанавливать магические силы, и мастер Йосини выбрала Кимри для демонстрации. После нескольких повторов несложного заклинания кэриминка больше не чувствовала такого опустошения, как после неудачи на прошлом уроке, и вполне могла попробовать что-то новое, не рискуя опять напортачить. Правда, мастер Йосини мягко приостановила её, положив руку на плечо:

²⁴ **Шиндины** – «истинные люди», вторая из двух первозданных рас, созданных в начале мира, ныне населяют Центральную провинцию – Накано, где расположены столица Праведного Государства и Кадай.

²⁵ **Никко** – один из Богов-Наставников, бог света, источник магии, покровитель магов, наставников и учёных; так же – имя солнца в мире Оодай.

– ...как ты его сделала...

– ЭТО ЖЕ ОФИГЕТЬ ЧТО ТАКОЕ БЫЛО! – закончили они в один голос, с восторгом таращась на растерявшуюся Кимриналь.

Шахарро тоже уставился на неё.

– Шшто эти полоумные трещат? Ты? – его? – в стену?!

– Ну... я нечаянно, – призналась Кимри. – Я была не в себе, и заклинание вышло из-под контроля. А Роддвар не ожидал, поэтому получилось, что его протащило...

– Да-а! – подтвердили Двойняшки с восторгом. – Это надо было видеть! Свист, шум, снег, пар – хшшшшш! – и шкаф в стене! А-бал-деть!

Роддвар молча закатил глаза от их бесцеремонности – слово вставить всё равно было некуда, особенно после того, как подключилась Лиснетта.

– Клянусь Святолесьем²⁶, быть не может!

– Вот как есть – в стене, весь в инее толщиной с руку! И туманище на пол-зала!

– И что ему? Досталось?

– А ничего! Мокро, говорит! – Двойняшки захохотали.

– Ну, конечно, он же из Китано, они там, говорят, спят на снегу.

Роддвар многозначительно кашлянул и рыжая прикусила язычок.

– Болтают, – невозмутимо заявил северянин. – У нас живут в каменных домах и спят на кроватях. Хотя я пару лет приучался спать на снегу. Закалялся.

– У-у-у! – восхищённо протянули Двойняшки.

Кимри, впрочем, почудилась в их восторге несколько глумливая интонация, хоть и хорошо замаскированная.

– Короче. Не знаем мы ещё таких заклинаний, – отрезал Роддвар. – И слава Наставникам. Кого другого могло сильно обморозить.

– Представляю, как ругался мастер Инх Шэк, – покачал головой Шахарро. – Теперь понятно, почему он нас так гонял сегодня по безопасности. А вы – бррысссь! – шикнул он на Двойняшек.

– Ну и ладно, мы и сами что-нибудь придумаем! – синхронно отмахнулись тайсоминки, уходя.

– Не сомневаюсь, – пробормотал хёдин.

Он не стал допекать Кимри вопросами, решив узнать потом подробности у северянина, и ужин прошёл за непринуждённой болтовнёй, в основном – Лиснеттиной.

Прежде чем вернуться в спальню и засесть за самостоятельные задания, Кимриналь отделилась от дружеской компании и отправилась в учительские покои, чтобы отыскать своего наставника, мастера Этиллора. Неловко было тревожить его вне занятий, но вопрос, терзавший её, казался слишком важным...

Войдя на учительскую половину второго этажа Северо-Восточного сектора замка, Кимриналь подошла к общей зале отдыха, и тут столкнулась с Маллареном Эшши-Даном. От неожиданности у неё перехватило дыхание и, кажется, вся кровь отлила от лица. Кимри хотела было прошмыгнуть мимо, но хашин остановил её, процедив:

– Что вам здесь нужно?

– Простите, – выдавила она, боясь пошевелиться. – Я... хотела п-поговорить с м-мастером Этиллором...

– Поздно вато для занятий, вы не находите?

²⁶ **Святолесье** – Удел Рин, Богини-Наставницы, которой особо поклоняются лесные эльфы; Рин – хозяйка растений, животных, рыб и птиц, природных духов, духов вещей, хозяев местностей, а также анимагов.

Она безотчётно отметила, как что-то вибрирует у неё в груди в унисон с низким голосом хашина. При этом он так сверлил её взглядом обсидиановых глаз, что ещё секунда, и Кимриналь, кажется, просто рухнула бы замертво. На её счастье из залы раздался голос наставника:

– Малларен, кто там? Кимри? Будьте любезны, пропустите, это моя ученица.

– Как вам будет угодно, – церемонно ответил мастер Эшши-Дан, полуобернувшись через плечо, и, больше не глядя на вмёрзшую в пол ученицу, прошествовал прочь по коридору.

Кимриналь опомнилась от прикосновения к плечу. Оказалось, мастер Эттилор уже вышел из залы и стоит рядом, тревожно вглядываясь в её бледное лицо.

– Что с вами, девочка моя? Что вам сказал этот кочевник?!

Кимри с трудом вдохнула и заставила себя ответить:

– Н-ничего... просто спросил, зачем я пришла... – она сглотнула, пытаясь привести в порядок мысли, но прямо сейчас в голове стоял только оглушительный звон.

– Пойдёмте в мою комнату, – предложил на её счастье наставник.

Шагая по коридору, Кимри опасно косилась на двери, боясь снова увидеть мрачного хаймина, но он больше не появился. Опустившись в кресло в комнате мастера Эттилора, она опомнилась достаточно, чтобы разговаривать внятно.

– Так о чём вы хотели поговорить?

– На самом деле, – она глубоко вдохнула, чтобы не дать себе струсить, – отчасти о мастере Эшши-Дане.

Кимриналь рассказала наставнику о своём решении вступить в Археологический Клуб, о том, зачем ей это, и, наконец, о том, во что вылилось знакомство с мастером Эшши-Даном.

– Я... чувствовала себя униженно и... в отчаянии. Из-за этого сегодня на уроке разрушения у меня что-то случилось с заклинанием, и я чуть не навредила партнёру. Всё обошлось только потому, что я использовала холод, а партнёром был Роддвар, северянин. – Наставник удручённо покачал головой. – А после мастер Йосини сказала, что у меня потеря жизненной силы. И я хотела спросить у вас, почему так? И как этого избежать? И... как мне перестать бояться мастера Эшши-Дана...

Тайсоминские жёлтые, чуть с зеленью, глаза мастера Эттилора мерцали теплом и сочувствием. Он легко коснулся сухой тёплой ладонью её колена:

– Вы слишком требовательны к себе, моя девочка. Малларен, действительно, очень... сложный в общении, и даже из нас, преподавателей, мало кто может спокойно выносить его нелюдимость и резкость. Нужно много времени и, пожалуй, жизненной мудрости, чтобы научиться спокойно относиться к подобным персонам. Но я могу указать вам на одну ошибку.

Наставник поднялся и принялся неторопливо расхаживать по комнате, заложив руки за спину. Кимри только теперь обратила внимание, насколько скромна здесь обстановка: минимум мебели, простые ткани приглушённых коричневатых цветов...

– Вы, – продолжал тем временем наставник, – насколько я замечаю, боитесь мастера Эшши-Дана. Это можно понять. Но вы неправильно относитесь к этому страху. Вам кажется, что он – помеха, что нужно его подавить, избавиться, победить. Но страх – это очень важная эмоция. Как вы думаете, зачем природа нас наделила им?

– Чтобы мы... чувствовали опасность? И могли подготовиться?

– Именно! И в конечном итоге, чтобы мы могли выжить! Что случится с существом, не ведающим страха? Оно не проживёт и десяти лет, и погибнет, скорее всего, глупейшим образом, из пустой неосторожности. Смотрите на страх как на вашего союзника. Не позволяйте эмоциям затопить и ослепить себя.

Кимри попыталась представить себе это, и поняла, что не может.

– Но... как?

Мастер Эттилор остановился перед ней.

– Помните, что я говорил вам на первом занятии? Дыхание – основа любой концентрации. Вспомните, как вы дышали сейчас, стоя перед мастером Эшши-Даном.

Кимри озадаченно взгляделась в свои, хоть и свежие, но туманные воспоминания:

– Кажется... почти никак. Помню, что в какой-то момент я чуть не задохнулась от того, что забыла дышать...

– Именно! Заметьте, что даже сейчас ритм вашего дыхания нарушился: вы вдохнули и несколько секунд не выдыхали.

Кимриналь удивлённо моргнула:

– Надо же... и правда.

– Вспомните об этом в следующий раз. И – дышите. Кто бы ни был перед вами, сколь бы неприятные вещи ни говорил он вам – просто дышите. Это позволит вам намного лучше владеть собой.

– Хорошо. Я буду стараться.

– Что же до сорвавшегося заклинания, – мастер Эттилор снова присел на стул перед ней и заговорил жёстче. – Тут, должен вам сказать, мой совет пока только один: в следующий раз, если вы почувствуете, что не достаточно ясно мыслите и не вполне владеете собой, что вы не выспались, слишком устали или что-то слишком тревожит вас – просто сообщите об этом вашему учителю. Уверю вас, это совершенно нормально, и мастер Инх Шэк отнесётся к вам с полным вниманием. Потому что это ему потом отвечать перед Советом Кадая, если с кем-то что-то случится на его занятии.

– Хорошо, я так и поступлю. Спасибо, мастер Эттилор! – Кимри поднялась. – Простите, что побеспокоила вас так поздно...

– Не о чем говорить, девочка моя! – наставник снова тепло улыбнулся. – Это очень правильно, что вы пришли. Так и поступайте впредь. Даже если моя помощь понадобится вам посреди ночи! Поверьте мне, ваши успехи и ваши трудности для меня куда важнее лишнего часа сна.

– Спасибо!

– И ещё у меня для вас небольшое новое задание. Прямо сейчас, когда вы вернётесь в вашу комнату, возьмите дневник и запишите в нём всё, что вы думаете о мастере Эшши-Дане, всё, что вы чувствуете в его присутствии, всё, что вам, может быть, хотелось бы ему высказать. Чем подробнее и честнее вы это сделаете, тем лучше. Если почувствуете, что эмоции слишком захватывают вас – остановитесь и дышите, потом продолжайте. Это поможет вам, во-первых, успокоиться окончательно и избавиться от дурных эмоций, а во-вторых, с течением времени, возвращаясь к этой записи, вы сможете наблюдать, как меняется ваше восприятие. Это будет хорошим упражнением по самоосознанию.

– Хорошо.

– Ну, ступайте.

Мастер Эттилор поднялся, проводил Кимри до двери и даже слегка погладил по голове, пожелав доброго вечера и спокойного сна.

Возвращаясь в ученические спальни, Кимриналь уже не оглядывалась нервно на каждый шорох. После разговора с наставником она почувствовала восхитительное умиротворение и воодушевление. Огромная благодарность переполняла её: к старым хёдинам из Наки, которым она сейчас же (вот только выполнит задание наставника) напишет большое подробное письмо; к строгой, но справедливой аргонианке Йак Та, давшей девочке с улицы непонятного роду-племени хорошие рекомендации в Кадай; к этим смешным ребятам – Родвару и Шахарро – взявшимся её опекать, будто старшие братья; к умным, добрым и заботливым учителям. Конечно, не все соученики так милы, и не все учителя – добры и заботливы. Но сейчас Кимри ощущала такую лёгкость, что это казалось почти незначительной мелочью. И чего она всполошилась? Ну, встретил её надменный хашин презрением. Подумаешь! Будто не видала

она этого во всё своё детство каждый день. Бывало и похуже, что уж там: и грязной ругани получала, и тычков, и камнями не раз доставалось. Что рядом с этим резкий тон и недовольный взгляд мастера Эшши-Дана? Переживём. Главное, чтобы из Клуба не выгнал.

Вернувшись в спальню, Кимри засела за стол, измарала не один лист записями и письмом, потом долго корпела над учебниками и спать легла только через час после гонга, всё ещё чувствуя себя так, словно внутри бурлит и плещется фонтанчик с чистой ледяной водой, омывающий и бодрящий.

4. Зачаровашки и очаровашки

К утру бодрящий фонтанчик внутри поутих, но настроение было светлое и радостное. Кимри весело позавтракала с друзьями и отправилась на занятия.

Сегодня первым был урок Пути Переноса. Тренировочный зал представлял собой ряды специальных столов с начертанными на столешнице магическими знаками, свечами и набором кидама – кристаллов, в которые особым заклинанием помещены была силы жизни и магии, взятые от неразумных существ, обычно каких-нибудь мелких прислужников Богов-Хозяев или животных. На уроках Пути Переноса учились помещать в предмет заключённые в кидама силы, добавлять при необходимости элементы и тем самым питать наложенное на вещь заклинание. Поднося руку к прохладным граням маленьких, определённо заполненных кристаллов, Кимри чувствовала лёгкое напряжение и покалывание в пальцах, ей даже казалось, что она слышит тихое низкое гудение. А ещё казалось, что кристаллы будут слабо светиться, если выключить свет. Кимри даже накрыла кидама ладонями и заглянула в щёлку, но внутри оказалось темно. А ведь она была почти убеждена, поверила ощущению... Значит, гудение ей тоже чудится? Как проверишь?..

Мастер Агнэ – северянин, как и Роддвар, хоть и не столь мощного сложения – задал ученикам наложить на простые матерчатые перчатки и медное колечко любое слабое заклинание, например, *щит*, или *утяжеление*, или слабенькое *лечение*. Размышляя о последнем варианте, Кимри подумала, что такие перчатки, если направить действие лечебных чар на хозяина, могли бы пригодиться для работы в саду, с колючими растениями. Это и решила попробовать.

Первая попытка не удалась: кидама тонко хрустнул (гудение в нём оборвалось с неприятным звуком порванной струны – неужели она всё-таки это себе придумывает?..), покрылся мелкой сетью трещин и осыпался на стол тусклыми помутневшими осколками.

Роддвара, кажется, тоже постигла неудача, судя по раздавшемуся из-за его стола возгласу: «А! Чтоб ты грибберы²⁷ сгрызли!» – и всплеску, будто кто из чашки воду пролил. Северянин, ворча, стаскивал с руки насквозь мокрую перчатку. Мастер Агнэ, бывший, кроме прочего, личным наставником Роддвара, подошёл и принялся что-то ему втолковывать; китадин кивал, не обращая внимания на хихиканье Двойняшек.

Кимри взяла второй кидама и некоторое время держала его в ладонях, прислушиваясь и вглядываясь в голубовато-лиловые переливы в глубине. Снова положила в середину стола перчатки, установила кидама в подставку, сосредоточилась, прикрыв глаза, и прошептала заклинание. Гудение в кристалле сил немного усилилось и плавно угасло, словно вода ушла в песок. Кимри взглянула на перчатки и улыбнулась: серую невзрачную ткань окутало едва различимое голубоватое мерцание. Кидама же рассыпался по столу тонкой стеклянной пылью. Кимри так и не смогла пока разобраться, почему кристаллы сил после опустошения разрушаются. Но главное, что на этот раз заклинание *переноса* сработало!

Мастер Агнэ подошёл, надел её перчатки и одобрительно покивал, но тут справа раздался чей-то вопль:

– Ай! Ай! Ааааа!

Кимри ещё не успела сообразить, что случилось, а Роддвар уже вскочил, с неожиданным для его сложения проворством не то добежал, не то прыгнул на другой конец зала и, ещё не приземлившись, запустил в кого-то пухлым облачком из снега и пара. Оказалось, Римта, рыжая Двойняшка, попыталась зачаровать свои перчатки огненным уроном, но сделала что-то неправильно, и, надетые, они загорелись прямо у тайсоминки на руках.

²⁷ **Гриббер** – род нежити, питается мертвечиной, но, если голоден, может напасть и на живого; обитают преимущественно в Китано, селятся в заброшенных склепах.

– Ну, что с вами делать?! – возмутился мастер Агнэ. – Я же строго-настрого запретил использовать опасные чары! Покажите ваши руки... Марш к целителю! В наказание к следующему занятию подготовите мне письменный доклад по правилам безопасности Пути Переноса. Марш, марш!

Римта, насупившись и шипя от боли в обожжённых руках, выбежала из зала, Киналь, проигнорировав оклик учителя, бросилась следом.

– Вот из-за таких безответственных ведьм простые люди и начинают бояться магов, – проворчал мастер Агнэ. – Так, продолжаем, продолжаем! Кто справился с первым предметом, зачаровывайте второй.

Кимри подумала и решила сделать колечко увеличивающим привлекательность. Мелькнула мысль, что, если им разрешат оставить результаты своих трудов, можно будет надеть это колечко в Клуб Археологов. Вдруг поможет, и мастер Эшши-Дан хотя бы не будет смотреть с таким явным отвращением... Вряд ли, конечно, но...

Увы, оставшиеся два кидама раскололись, как и первый, не передав колечку ни крохи сил. Зато Роддвар помахал ей рукой в перчатке, принявшей странный вид – словно ткань обратилась в тонкое гибкое дерево.

– Что это? – шёпотом спросила Кимриналь.

– Защита от молний!

– У меня слабое лечение на себя. А второе не получилось.

Мастер Агнэ, ходивший по классу от ученика к ученику, снова оказался поблизости, и Кимри уткнулась в тетрадь, подробно записывая весь процесс переноса и результаты.

На следующем занятии Пути Перемен снова тренировали магический щит. Мастер Олквати заставил их основательно потрудиться, так что в столовую к обеду Кимри едва доползла и рухнула на стул, забыв даже взять себе поднос в кормушке. Шахарро проворчал что-то о том, как же быстро «избаловалась эта девчонка», но еды ей принёс.

Усевшись между Кимри и северянином, хёдин увидел на столе колечко, заколдованное Роддваром.

– Шшто это? Зачаровашшка?

Он хотел было взять вещицу и неожиданно не смог. Китадин едва заметно усмехнулся и принялся за еду. Шахарро фыркнул и попробовал ещё раз подцепить колечко, выпустив коготь, но безуспешно. Попытался сгрести всей лапой – и не сдвинул даже на волос.

– Шшто за Шиморрские шштучки?!

Роддвар невозмутимо поглощал обед и словно не слышал. У хёдина даже шерсть на загривке встала дыбом от возмущения, а раздражённо дёргающийся хвост чуть не обмотался вокруг ножки стула:

– Тыы! Сскала китадинсская! Шшто это за... вещщщ?!

Северянин сделал вид, будто только что заметил интерес товарища, без особого усилия взял кольцо и, зажав его в кулаке, ответил небрежно:

– А. Это мне покачаться.

Он принялся сгибать и разгибать руку с кольцом, как если бы держал гирию: крупные мышцы так и заходили буграми под кожей. У котолюда глаза на лоб полезли от изумления.

– Сссколько же в нём весу?!!

– Не знаю точно. С козу, – пожал плечами Роддвар, переложил колечко в другую руку и наконец рассмеялся, глядя на совершенно обалдевшего котолюда.

– Приве... оооо!! – протянула только что подошедшая Лиснетта.

Несколько секунд она восторженно таранилась на мощное плечо северянина, продолжавшего свои упражнения, потом протянула руку и потыкала указательным пальцем в уступающий бицепс.

– Как камень!

– Вроде того, – пробормотал Роддвар, кажется, несколько смущённый столь неприкрытым восхищением, и положил колечко обратно на стол.

Лиснетта тут же, конечно, потянулась к нему, но Шахарро упреждающе прошипел:

– И не пытайся! Оно весит «с козу»!

Ринминка захохотала:

– Это какой же красавице такой подарочек?!

Роддвар уткнулся в тарелку, и хёдин ответил за него, подпустив изрядно язвительности:

– Видимо, такой же, как он – китадинссской!

– Иди к грибберам, – проворчал Роддвар. – Это упражняться. А то пока сидишь тут с вами, стулья протираешь – забудешь, как оружие держать.

– А что ж в Дом Воинов не пошёл тогда? – подначил хёдин.

– Совсем мозги мехом заросли? – Роддвар звучно постучал пальцем по лбу. – Там магии не учат, ты в курсе?

– Да на кой она тебе?

– Не твоего мохнатого ума дело, – отрезал северянин.

Бросив Кимри: «Я тебе место займу», – он поднялся и ушёл.

Лиснетта, проводив его взглядом, задумчиво повертела ложечкой в бокале.

– В Дом Воинов его разве только наставником бы взяли... при его-то данных... И вообще, он молодец. Другой бы достиг и остановился, мол, хороший боец – куда ещё учиться? Пошёл бы в наёмники. Вот ты, котик, выучишься магии – разве пойдёшь изучать что-то из боевых искусств?

– Ещё чего, – фыркнул Шахарро, – мехх поганить...

– Ну, вот...

Лиснетта красноречиво пожалала плечами. Кимриналь подумала, что на уроках Пути Разделения, которые хёдин выбрал себе основными, тоже можно основательно попортить шкурку, но, по обыкновению, смолчала и поспешила на следующую лекцию.

Учитель Пути Миражей, мастер Мислав, был удивительно красив. Темноволосый, синеглазый, высокий и прекрасно сложенный, хандин²⁸ неизменно притягивал к себе взгляды, даже просто проходя по коридорам. Он вполне оправдывал расхожее мнение о том, что люди его расы – одни из самых ярких, умных и очаровательных во всём Праведном Государстве. Когда же мастер Мислав начинал говорить, лекционная замирала, утопая в бездне его обаяния. Злые языки намекали, мол, это лишь действие зачарованного амулета, но Кимри в такое не верилось.

– Итак, давайте вспомним, что такое Путь Миражей. Это – магия *видимости*. Изменяем ли мы суть вещей? Касаемся ли материи? Нет. Всё, что мы делаем – это заставляем зрителя поверить, будто мы нечто изменили, в то время как мы, в сущности, ничего не сделали. Путь Миражей – это магия внушения, магия владения умами. Как вы думаете, что понадобится особо развить, чтобы стать успешным творцом *видимости*?

– Привлекательность? – дерзко выкрикнула светловолосая Двойняшка, явно намекая на самого учителя.

Но он отрицательно покачал головой:

– Вовсе нет. Поверьте мне, мастер Пути Миражей может быть страшен, как столетний зомби! – по аудитории прокатился смешок. – Но все будут считать его очаровашкой. В том и смысл! Ещё идеи?

– Голос? – предположил Роддвар.

– Да! – Мастер Мислав несколько театрально указал рукой на северянина, но в его исполнении даже такой показательной жест почему-то выглядел естественным. – Да, друзья мои, владение

²⁸ Хандины – полуэльфы, жители Горной провинции Дайчино.

своим голосом – это очень важное умение. Разве придёт вам в голову подчиниться человеку, который разговаривает неприятно-визгливым ломающимся голосом? – учитель так противно проверещал эту фразу, что ученики дружно сморщились, будто прямо перед ними вылетела визжащая комори²⁹.

– Намного охотнее и люди, и существа реагируют на голос глубокий, объёмный, вызывающий ощущение силы говорящего, порождающий внутренний трепет у человека противоположного пола или необъяснимый страх и уважение – у человека того же пола.

Всё это учитель произнёс так, что у Кимри по спине прокатилась горячая волна мурашек, а голова слегка закружилась. Это было немного похоже на то, что она чувствовала под взглядом мастера Эшши-Дана, но вместо парализующего страха – где-то в глубине, за грудиной, задрожал восторг, граничащий с преклонением...

Этим же самым голосом мастер Мислав скомандовал Двойняшке Киналь выйти, встать возле него и что-нибудь спеть. Тайсоминка вытаращила глаза от изумления, тем не менее, покорно вышла и даже запела – к слову, весьма приятно, – но ошалевшее выражение её лица многих заставило захихикать, так что бедняжка покраснела до корней волос и ухитрилась замолчать. Мастер Мислав улыбнулся ей, чуть наклонился и что-то проговорил негромко на ухо, от чего Киналь ещё пуще вспыхнула и стремглав унеслась на своё место.

– Способность сопротивляться магии миражей, – продолжил мастер Мислав уже обычным голосом, – зависит от вашей силы воли и интеллекта. Второе нужно для того, чтобы различить, что вами манипулируют. Должен заметить, у нашей испытуемой это получилось! Первое же – сила воли – необходимо, чтобы держать себя в руках, даже если вы ощущаете воздействие. Итак, задание. Для начала нужно заставить партнёра совершить какое-нибудь простое действие. Например, почесать нос. Испытуемый не должен сопротивляться. Это самое простое, даже, пожалуй, грубое внушение, для него не нужно особой магии – достаточно простых знаний о том, как мы взаимодействуем друг с другом. Посмотрим, что у вас сейчас получится, и потом я расскажу вам небольшой секрет.

– А испытуемый должен знать, что именно его будут заставлять делать? – уточнил Роддвар.

– Для начала – нет. Иначе, зная, он будет инстинктивно сопротивляться, а это пока не входит в наше задание. Пусть испытуемый применит интеллект и сам распознает манипуляцию.

Все разбились на пары, и Роддвар, уже привычно усевшийся с Кимри, спросил:

– Ну, кто первый?

– Давай ты.

– Хорошо. Сейчас придумаю, что бы тебя заставить сделать...

Северянин задумался, обхватив пальцами подбородок, а через пару секунд неожиданно вскинулся и, чуть нахмурившись, взглянул в окно. Кимри машинально обернулась, чтобы увидеть, что привлекло его внимание. Лёгкий довольный смешок заставил её снова посмотреть на Роддвара.

– А! – догадалась Кимриналь. – Ты этого и хотел!

– Точно! Давай теперь ты.

Она тоже задумалась и вдруг отчаянно зевнула, едва успев прикрыть рот. Роддвар моргнул, но не удержался и тоже разинул рот в зевке.

– Отлично! – раздался неожиданно рядом с ними голос мастера Мислава. – У нас есть как минимум одна пара, разобравшаяся, в чём суть. Молодцы! Продолжайте. Хотя теперь вам будет труднее.

²⁹ **Комори** – крылатые существа размером со среднюю собаку, с плоской мордой, зубастой пастью, безухие и длиннохвостые, покрыты чёрной безшёрстной, но весьма толстой складчатой шкурой; прислужники бога разрушения Хакай Сорана.

Попробовав ещё несколько раз поймать друг друга, Роддвар и Кимри, наконец, просто оба расхохотались над своими уловками и ужимками, причём северянин заливался так, что сидевшие поблизости пары учеников бросили свои упражнения и тоже начали смеяться. Мастер Мислав подошёл, усмехнулся, взглянув Роддвару в глаза, и похлопал в ладоши:

– Ай да Роддвар! Вы ухитрились подчинить своей эмоции – раз, два, три... – семерых учеников! Отлично!

Подождав ещё немного отстающих, мастер Мислав завершил задание.

– Итак, что же самое главное в этом упражнении. Наш разум устроен так, что, во-первых, мы разговариваем не только словами. Больше того, слова передают нам менее половины всей информации! Мы слышим интонацию собеседника, видим выражение его лица, положение его тела, жесты – всё это разум фиксирует помимо нашей воли, и если собеседник неожиданно изменяет поведение, мы, даже продолжая слышать его спокойную речь, среагируем на жест, мимику. Почему? Потому что это заложенный в нас инстинкт, он нужен для выживания. Информация об опасности куда быстрее передаётся языком тела, чем языком слов. И второе – общаясь, мы все безотчётно копируем друг друга. Мы принимаем похожие позы, мы копируем жесты, интонации, мы как бы заражаемся собеседником. Это позволяет нам лучше понимать и узнавать друг друга. А специалист Пути Миражей может воспользоваться этой особенностью, чтобы «заразить» собеседника нужным ему действием или состоянием.

– Или всех, кто рядом, – заметил Роддвар.

– Совершенно верно! Именно то, что вы с успехом проделали, – подтвердил мастер Мислав. – А теперь второе задание. Нужно предупредить испытуемого о том, что его будут пытаться заставить сделать. Испытуемый должен сознательно сопротивляться, а испытатель должен всё-таки постараться навязать свою волю. Начали!

– Ну, что ж, – кивнул Роддвар, – боюсь, мне придётся вызвать у тебя отвращение.

– Хорошо, пробуй, – согласилась Кимри, подумав про себя, что ему, видимо, придётся нелегко, потому что после того, чего она насмотрелась в Наке, пока пряталась у зловонного канала, мало что могло пронять по-настоящему...

Кимриналь думала, он будет ей рассказывать что-нибудь мерзкое, но Роддвар вдруг достал носовой платок, извинился, от души высморкался и принялся что-то там, в платке, внимательно разглядывать. Кимри невольно поморщилась и отвернулась.

– Извини, – сказал ещё раз северянин, – но ты попалась!

– Аса'ю-Мать! – Кимри с досады даже вскочила. – Ну!.. ну!.. За это ты у меня напугаешься!

– Смелое заявление, – скептически ухмыльнулся Роддвар. – Пугать бывшего телохранителя? Может, передумаешь и выберешь что-то другое?

– Ещё чего!

Кимриналь притопнула ногой и, нахмурившись и сжав губы, уставилась на китадина, будто намереваясь пробуравить его взглядом. Роддвар с минуту ждал, что будет, потом спросил, подняв брови:

– И?

Она выдохнула, отводя взгляд, провела по лбу заметно дрожащей рукой, вдохнула прерывисто и с усилием оттянула ворот робы. Роддвар забеспокоился, не перетрудила ли его напарница.

– Что-то мне... – пробормотала Кимри невнятно и, закатывая глаза, мягко повалилась на пол.

Роддвар вскочил, пытаясь поднять её, и заорал на всю лекционную:

– ЛЕКАРЯ!

– Аса'ю-Мать, – Кимри открыла совершенно ясные глаза и потёрла ухо, – не надо лекаря. Ты своим криком мёртвого подымешь!

Вокруг снова начал нарастать смех.

– Тьфу ты! Поймала! – расхохотался и Роддвар.

– Замечательно! – присоединился к смеху мастер Мислав. – И язык тела использовала, и сыграла на инстинкте защитника! Отлично! Вы оба прекрасно усвоили урок.

Кимри поднялась, опираясь на заботливо поданную руку северянина.

– Но ведь мы совсем не пользовались магией, – заметила она.

Мастер Мислав улыбнулся:

– Да. Так и есть. Но это – основа, то, что заклинаниями лишь заостряется и усиливается. Чем мы и займёмся на следующих занятиях.

Этот урок одновременно воодушевил Кимри и озадачил. Играть и тренироваться с Роддваром было весело и совсем не страшно. Она и не думала, что умеет держать себя так свободно. Было бы здорово, если бы этой смелости хватило до вечера...

5. Настоящая археология

Сегодня до Южной башни шли весело и шумно, распугивая мышей в заброшенных коридорах. По пути Лиснетта рассказывала, как её наставник мастер Мислав «пропел ей все уши о талантливых первогодках».

– Особенно его впечатлила красивая кэриминка, которая ухитрилась напугать северянина так, что он на всю лекционную требовал лекаря!

– Кабы для себя, – пробурчал Роддвар, но рыжая, как всегда, пропустила реплику мимо ушей.

– Кимри, что ты с ним сделала?!

Она пожала плечами:

– Просто притворилась, будто в обморок упала. Так что, если честно, это я не совсем страх внушила.

– Зато я поверил! – возразил Роддвар. – И где ты только научилась так притворяться?

Кимриналь решила оставить этот вопрос без ответа. Тем более, что они уже добрались до башни, и разговаривать, поднимаясь гуськом, в полутьме, по разбитой лестнице, было уже неудобно.

Мастер Эшши-Дан работал, сидя за столом: перед ним был разложен свиток с обтрёпанными краями, хаймин сосредоточенно всматривался в нечёткие письмена и делал заметки в тетради. Ученики расселись за столы и несколько минут просидели в тишине, не решаясь отрывать хашина от перевода.

Вспомнив наставления мастера Эттилора, Кимри некоторое время сосредоточенно считала вдохи и выдохи, потом оглядела комнату. В ней практически ничего не изменилось, только добавилась стойка-канделябр на восемь свечей возле учительского стола. Вдоль стен же по-прежнему царил полумрак: окон в башне не было, только под потолком несколько узких не то бойниц, не то отдушин позволяли примерно определить время суток.

Кимри взглянула на друзей: Лиснетта что-то быстро писала в тетради, которую ухитрилась достать совершенно бесшумно, Роддвар и Шахарро едва слышно шептались.

От скуки Кимриналь стала рассматривать мастера Эшши-Дана и призналась себе, что, как ни странно, находит его красивым: высокий, крепкого телосложения, сильные руки явно выдвигали инструменты потяжелее пера. Черты его тёмно-сизого лица были резки и чётки, высокие скулы словно высечены тонким резцом из прочного камня, и если бы не саркастичная мина, от привычки к которой вдоль рта пролегли заметные морщины, хаймин мог бы считаться красавцем не хуже мастера Мислава, хоть и совсем в другом роде. Мастер Мислав был артистом, ярким, сияющим, жизнерадостным. Мастер Эшши-Дан был его впечатляющей, мрачной и суровой противоположностью. Будь он поприветливее, мог бы посоперничать с хандином, несмотря на разницу в возрасте; да и что такое семьдесят лет для эльфа – самый расцвет сил!

Ещё Кимри заметила, что хаймин носит весьма необычную робу, пошитую не из ткани, а из тщательно выделанной тонкой, но плотной замши, покрытой едва различимым тиснёным орнаментом. Несколько швов отделано кожаной бахромой, плечи и грудь прикрывают кольчужные вставки из таких тонких и хитро сплетённых колец, что они смотрелись кружевным украшением.

И тут Кимри осознала, что мастер Эшши-Дан вот уже секунд десять смотрит прямо на неё. Сердце выскользнуло из похолодевшей груди, но Кимриналь, помня о своём решении быть смелой, заставила себя выпрямить спину и твёрдо встретить взгляд хашина. Краем глаза она заметила, что Лиснетта бросила писать, а северянин с хёдином замолчали, встревоженно наблюдая за происходящим. В течение нескольких секунд тишина в комнате звенела

всё тоньше. Потом мастер Эшши-Дан отвернулся, и хотя ни один мускул не дрогнул на его равнодушном лице – это была крохотная победа Кимри.

– Итак, все пришли, – произнёс хаймин, глядя теперь по большей части на Лиснетту. – По поводу ваших работ. Должен признать, они меня приятно удивили.

Шахарро проворчал что-то неразборчиво, но тут же смолк от тычка по ноге, которым наградил его Роддвар.

– Я благодарен вам, Лиснетта, за верность, – продолжил учитель всё тем же ледяным тоном, плохо вяжущимся со смыслом его слов. – Вам, Роддвар, я благодарен за целеустремлённость. Работа Шахарро, признаюсь, порадовала меня редкой для существ этого рода честностью и преданностью друзьям. Надеюсь, это не последнее, чем вы меня удивите.

Оскорблённый котолюд встопорщил усы и даже слегка зашипел, показав клыки, но покоился на Кимри и овладел собой, только кончик его хвоста гневно трепетал у самого пола.

– Итак, все вы явились сюда, преследуя определённые цели, – продолжил мастер Эшши-Дан. – Однако, надеюсь, вы осознаёте, что пройдёт ещё много времени – не один год – прежде чем вы сможете приступить к их осуществлению.

И – ни слова о работе Кимри... Лиснетта недоумевающе переглянулась с Роддваром, у Шахарро опять недовольно приподнялась шерсть на загривке, но перебить учителя никто не решился. Кимриналь же, хоть и поняла, что хаймин сознательно игнорирует её – только выше вскинула голову. Пусть делает, что хочет. Пусть обходит её, как мебель, пусть говорит гадости, как сейчас хёдину, которого явно считает принадлежащим к низшей расе – не важно. Ей нужны его знания, а не тёплые чувства. Тепла ей достанет от наставника, доброго мастера Эттилора.

– Прежде всего, – продолжал мастер Эшши-Дан, – хочу показать вам, что такое работа археолога. И если вы считаете, что это изучение древних книг и расшифровка свитков в тёплом кабинете – то вы сильно заблуждаетесь.

Он поднялся и направился к портьеру в дальнем конце зала, бросив через плечо:

– Прошу за мной.

За портьерой оказалась ещё одна лестница, узкая, со сбитыми каменными ступенями, повисающими над непроглядной темнотой. Несколько редко расставленных прямо на ступенях стеклянных ламп давали ровно столько света, чтобы не оступиться. Два пролёта, деревянная хлипкая дверь, за ней просторная лестничная площадка, с которой на две стороны – к внешней стене и к внутренней – убегали пролёты ступеней.

Мастер Эшши-Дан взял лампу, но её света было явно недостаточно, и Лиснетта наколдовала свой зеленовато-жёлтый *миражный светляк*. Идти пришлось довольно долго: сначала спустились на первый этаж, потом пробирались по засыпанному мусором и обломками коридору, который то сужался, то расширялся. В неверном свете можно было различить, что справа тянется стена, сложенная из камня, как и везде в замке, а слева – мешанина из земли, дерева и камней. Внезапно проход окончился тупиком. Учитель достал ещё несколько ламп и зажёл их.

– Там, – он махнул в угол, – инструменты.

В грубо сколоченном ящике были сложены небольшие лопатки, ножи и кисти, мотки верёвки, измерительные ленты и линейки, рядом к стене были прислонены лопаты и кирки.

– Мы находимся в обрушенном юго-западном секторе замка. Здесь и будут проходить наши практические занятия, – пояснил мастер Эшши-Дан. – Роддвар, берите кирку, идите сюда: здесь обвалилась каменная кладка, нужна ваша сила. Шахарро с лопатой – сюда. Уберите эту землю, но будьте осторожны, если под лопатой окажется что-то твёрдое, немедленно зовите меня: это может быть просто камень или обломок деревянной балки, но может – и какой-нибудь предмет, который нужно вынимать со всей осторожностью. Лиснетта, берите лопатки, ножи, кисти. Вот здесь в прошлый раз я нашёл что-то похожее на книгу, нужно очистить и аккуратно извлечь. Дайте покажу.

Хаймин, не особо заботясь о своей одежде, опустился на колени и принялся осторожно снимать тонкие слои почвы с одного из невнятных бугорков.

– Хорошо, я помню!

Ринминка села возле и продолжила работу. Кимриналь дождалась, пока мастер Эшши-Дан, так и не давший ей никакого задания, отойдёт, и, подобрав подол робы, устроилась рядом с рыжей.

За следующий час юные археологи основательно взмокли и пропылились. Воздух в тесном сыром помещении становился всё более тяжёлым, и у Кимри уже несколько раз темнело в глазах, когда приходилось подниматься.

То, что мастер Эшши-Дан принял за книгу, оказалось шкатулкой. Когда Лиснетта очистила её верхушку от земли, Кимри взяла большую кисть и принялась обметать резную крышку, раздумывая, кто мог жить здесь сотню лет назад, и что он хранил в такой большой тяжёлой шкатулке. Учитель несколько раз подходил, смотрел, как продвигается дело, и также молча отходил к своему участку, на котором он трудился едва ли не больше остальных.

Когда час подошёл к концу, и мастер Эшши-Дан скомандовал возвращаться, крышка была уже полностью очищена, но сама шкатулка всё ещё крепко сидела в земле. Лиснетта, умирая от любопытства, попыталась открыть её, но крышка не поддавалась, видимо, запертая на замок. Заметив её попытки, хаймин стремительно приблизился и схватил рыжую за руку перепачканными в земле пальцами так крепко, что она ахнула.

– Вы совсем без мозгов?! – прорычал хашин. – А если под крышкой ловушка?! Ваше дело – убирать грязь. Остальное оставьте тем, у кого больше ума и опыта.

– Да нет там ничего, проверила я, – пробурчала Лиснетта, за что была награждена уничтожающим взглядом.

– В таком случае, что вы здесь делаете? Вперёд, организовывайте собственную экспедицию! Посмотрим, сколько горстей пепла от вас останется возле первой же гробницы.

Ринминка смутилась и пробормотала извинения.

– Мне плевать на ваши сожаления, – бросил хаймин, отворачиваясь. – Если хотите работать со мной – больше слушайте и меньше спорьте.

Бросив лопату в угол и не дожидаясь, пока остальные сделают то же, мастер Эшши-Дан задул лампы и зашагал прочь, унося последнюю. Лиснетта зажгла светляк, и перепачканные ученики, поспешно сложив инструменты, побрели к свежему воздуху. Взобраться по лестнице на четвёртый этаж, натрудившись, оказалось нелегко. Кимри несколько раз пришлось приостановиться оттого, что темнело в глазах. Шахарро, шагавший последним, всю дорогу до Южной башни что-то раздражённо шипел в запыхавшиеся усы. Вернувшись в зал, они нашли мастера Эшши-Дана склонившимся, как ни в чём не бывало, над своим свитком и записями.

– Садитесь, – бросил он, не поднимая головы.

Ученики, больше похожие на шахтёров, попадали на стулья. Один только северянин, похоже, чувствовал себя много лучше остальных, хоть и был грязнее раза в два. Но жаловаться вслух никто не решился, даже хёдин примолк.

– Итак, – учитель окинул их не особенно дружелюбным взглядом, – вы получили ясное представление о том, что такое археология. И теперь, прежде чем допускать вас до теории, я даю вам шанс ещё раз подумать и принять трезвое решение. На этом всё.

Мастер Эшши-Дан снова уткнулся в свой свиток, предоставив ученикам самим решать, когда уже прилично подняться и выйти вон.

– Ррразорррви меня Шики³⁰! Я пшшто ему, рраб?! – взорвался Шахарро, когда уставшая компания спустилась из башни в коридор.

³⁰ **Шики** – одна из Богов-Наставников, покровительница умерших, создательница погребальных обрядов, покровительница исполняющих посмертные ритуалы.

– Котик, ну он же пепельный эльф, ему не знаю сколько сотен лет, – умоляюще проворковала Лиснетта, обнимая хёдина за талию. – Конечно, он свинский сноб... Но ты же можешь не обращать внимания! А когда он увидит, какой ты умный – он будет тебя уважать. Это я тебе точно говорю! Он только вначале такой вредный. Ты же видел, он даже сказал, что ты его порадовал! Если бы посчитал тебя никчёмным – промолчал бы...

Кимриналь про себя отметила, что раз так, наверное, у неё тоже есть смутный шанс завоевать уважение мастера Эшши-Дана. Когда-нибудь... Сейчас же она в его глазах, по верному объяснению Лиснетты, совершенное ничтожество. А... Шимора его заberi... пусть думает, как хочет.

Говорить что-либо совершенно не было сил, почти все они уходили на то, чтобы заставить себя переставлять ноги, и Кимри бездумно оперлась на предложенную руку Роддвара. Тот шагал как ни в чём не бывало и даже слегка улыбался. Что ж, воину, привыкшему размахивать двуручным оружием, сегодняшние упражнения с киркой должны были показаться приятной разминкой.

Поутру Кимриналь долго пыталась вспомнить, как же они вернулись в спальни. Потом, взглянув на часы, ещё дольше соображала, почему до сих пор нет гонга, пока не вспомнила, что нынче сумэмон³¹, выходной. Едва попытавшись шевельнуться, Кимри от души порадовалась, что не обязательно вставать прямо сейчас – каждая мышца ныла и стонала после вчерашних раскопок: не сосчитать, сколько раз ей пришлось сесть и встать, согнуться и разогнуться.

Кимриналь ещё с полчаса нежилась в постели, слушая, как негромко переговариваются за ширмой другие ученики. Наконец, медленно села и, тихо охая, как старушка, оделась. Мысль о том, что сейчас придётся топтать в столовую по лестницам и коридорам, нагоняла тоску, но проснувшееся тело требовало еды, и Кимри кое-как повела его завтракать.

Хуже всего было спускаться по лестнице. Тут-то её и встретил Роддвар.

– Кажется, приветствовать тебя «добрым утром» будет неуместно, – хмыкнул северянин.

– Молчи, – простонала Кимри. – Всё болит!

– Я так и понял, – он оглядел её робу и зачем-то спросил: – Есть у тебя штаны и рубаха? Давай, пошли, переоденься.

Кимриналь попыталась воспротивиться, но Роддвар упрямо потащил её обратно в спальни.

– Смерти моей хочешь... Зачем мне переодеваться?!

– Надо, – отрезал северянин, вталкивая Кимри в её секцию и задвигая створки ширмы.

Поминая шёпотом сквозь зубы всех Богов-Хозяев с их прислужниками, Кимриналь всё-таки надела свободные шаровары и льняную рубашку болотно-зелёного цвета, подпоясавшись узкой узорной тесьмой.

Роддвар одобрительно кивнул и махнул рукой. Кимри покорно поплелась за ним, не пытаясь больше задавать вопросов, пока они не оказались на улице. Свежий утренний ветер месяца Тёплых Ветров³² влажными пальцами забрался под свободную одежду и заставил Кимри поёжиться. Роддвар только ускорил шаг и привёл её на тренировочную площадку.

Акробатический комплекс располагался напротив столовой; чуть левее, в сторону Восточной башни, на площадках разного размера и формы группами располагались приспособления для физических и магических тренировок, между ними вытянулось узкое длинное строение непонятного назначения.

Роддвар остановился на ближайшей площадке, засыпанной слоем песка, и велел:

³¹ **Сумэмон** – шестой день недели в календаре Праведного Государства, посвящён созвездию Круга Родичей Сумэраги – Императору, Отцу народа; **мон** – букв. «врата» (имперск.)

³² **Месяц Тёплых Ветров** – второй из четырнадцати месяцев календаря Праведного Государства, второй месяц весны.

– Давай, повторяй за мной.

Северянин принялся размахивать руками, наклоняться и поворачиваться в разные стороны. Кимриналь оторопело взирала на его упражнения, не в силах заставить себя шевельнуть хотя бы пальцем.

– Ну, чего стоишь? Да не смотри так, знаю я, что всё болит. Надо обязательно размяться. Поверь, через полчаса ты и думать забудешь о своих мышцах. Давай!

Ну что ж, тренированный воин, наверное, и правда знает, что говорит... Сцепив зубы, Кимри попыталась повторить за китадином его наклоны, повороты и приседы, но тут же сбилась, запуталась и снова замерла, стесняясь своей неуклюжести. Роддвар сам заметил её растерянность и спросил, что случилось.

– Прости, это, наверное, потому что я левша – у меня не получается делать также. Извини.

– Да о чём извиняешься-то? – удивился северянин. – Я учился оружие в левой руке держать, помню, как было коряво поначалу. Ща разберёмся.

Он встал рядом с Кимри и повторил для неё все упражнения с левой ноги и руки. Теперь он и сам двигался медленнее, так что после третьего повтора Кимри смогла поймать ритм и повторить весь комплекс без остановок. Поглядывая на Роддвара, начавшего добавлять к выученному новые упражнения, она снова подивилась неожиданной для такой гороподобной фигуры гибкости: вон как скрутился, аж не понятно, как это он так руки за спиной заплёл. А выпады и внезапные шаги всё больше походят на движения рукопашного боя, повторять их трудно, но неожиданно увлекательно.

Кимри запыхалась с непривычки, но вскоре поймала себя на том, что и правда уже не чувствует боли, а упражнения начинают казаться необычным танцем, от мрачной красоты которого слегка шумит в ушах. Роддвар закончил разминку серией прыжков и кувырков, которые Кимриналь не решилась даже пытаться повторить. Северянин снова оказался на ногах, дыша по-прежнему ровно и спокойно.

– Прости, это тебе, наверное, сложно пока... Ну, как себя чувствуешь?

Кимри улыбнулась и пару раз подпрыгнула на месте, ещё раз убедившись, что мышцы хоть и чувствуют усталость, но не болят:

– Здорово! Спасибо.

– Хочешь, можем каждое утро вместе разминаться.

– Пожалуй. Раз уж мастер Эшши-Дан и дальше намерен учить нас шахтёрскому делу.

Они вместе посмеялись.

– Пошли, покажу купальни, – Роддвар махнул рукой в сторону того самого длинного строения. – Смотри, вот тут – обычный душ, а тут – купальни, типа как у нас в Китано на горячих источниках. Ну, настоящие источники, конечно, целительнее, но и это ничего так. Травы всякие, масла. Ну, ты – девчонка, разберёшься.

Оставшись одна, Кимри невольно усмехнулась: откуда бы ей знать толк в ароматах и прочем подобном? Дома ведро горячей воды было в радость, а найти мыльный корень – целый праздник. Какой уж там душ...

Купальни оказались рядом кабинок с уютной круглой ванной в каждой. В трубах шумела горячая вода, на полках стояло множество пузырьков с травами, солями, мыльными смесями и маслами. И всем этим можно пользоваться даром, сколько захочется?

Кимри набрала почти нестерпимо горячей воды, добавила мыла, несколько капель сладко и утончённого благоухающего масла, взбила густую пену и погрузилась в обжигающее, мягко щекочущее, прогревающее насквозь облако – практически с благоговением. И замерла, блаженствуя в клубах восхитительного пара... Из зажмуренных глаз невольно брызнули слёзы. Как всё-таки обидно устроен мир. Кто-то может каждый день принимать такую ванну, даже не задумываясь, каким счастьем она кажется нищей полукровке, чудом ухитрившейся вырваться из накских трущоб...

Напарившись до того, что тело стало казаться прозрачным и невесомым, Кимри долго сидела на скамейке, укутавшись в огромное полотенце, задумчиво сушила волосы, нюхала их, впитавшие волшебный аромат масла, и бездумно улыбалась.

И вот кто бы мог подумать, что brutальный северянин разбирается в таких вещах, как целительные омовения?! Нужно сто раз себе повторить и заречься на всю оставшуюся жизнь: не суди по внешности!

Как же хорошо-о-о...

В столовую Кимри и Роддвар добрались только ко второму завтраку, зато свежие и весёлые. К ним присоединилась поминутно охающая и хохочущая сама над собой Лиснетта. Роддвар и ей рассказал о пользе разминки и горячей ванны, но рыжая беспечно отмахнулась, мол, подумаешь, и так обойдусь. Шахарро не появился, но друзья не слишком обеспокоились, подумав, что хёдин решил хорошенько выспаться в выходной.

6. Врата Императора

После второго завтрака каждый сумэмон у всех учеников были обязательные индивидуальные занятия. Роддвару предстояло совершенствоваться в Пути Переноса с мастером Агнэ, Лиснетта, хихикая, побежала строить глазки мастеру Миславу, а Кимриналь отправилась к мастеру Эттилору.

Начали, как обычно, с тренировки ан'тэй: нужно было пятнадцать минут пристально изучать заданный предмет. Мастер Эттилор положил перед ученицей ястребиное перо, Кимри старательно рассматривала его и за это время сосчитала, кажется, каждый волосок. Когда весь песок в часах ссыпался вниз, наставник негромко велел продолжать наблюдение, но при этом попросил представить незримые пальцы, как бы продолжение собственной руки; а затем, читая формулу, попытаться этой невидимой рукой придвинуть объект к себе. Так должно было выполняться заклинание *приближения*. Кимри долго пыталась это проделать, пока не заломило лоб и спину.

– Ты слишком напрягаешься. Прервись, сделай глубокий вдох и выдох, расслабься. Здесь не нужны усилия тела, понимаешь? Трудиться должен разум. И ещё попробуй осмыслить такую идею. Всё вокруг состоит из мельчайших, невидимых глазу частиц: твоё тело, это перо. Но также и воздух между тобой и объектом – это не пустое пространство, он тоже состоит из тех же мельчайших частиц, только менее плотно уложенных. Всё вокруг нас заполнено, ничто не пусто. Если осознать это, прочувствовать, вжиться – многие магические манипуляции, и не только на Пути Духа, становятся понятнее и проще.

Кимри озадаченно посмотрела на учителя.

– То есть... если как следует постараться и потренироваться – то можно даже научиться проходить через камень? Ведь это те же частицы, что и воздух, что и моё тело?

– Теоретически – да. Вся трудность в том, что частицы камня лежат очень плотно, их больше, чем в том же объёме воздуха, поэтому и проходить через них не получается. Их почти нельзя раздвинуть. Но можно смешать с ними частицы своего тела, как бы раствориться в нём, как краска растворяется в воде, как вода проходит сквозь песок. Впрочем, это уже невероятно высокий уровень мастерства. Я не слышал, чтобы такого кто-нибудь достиг. Разве что древние мастера Ордена Шиката. Но, повторяю, я о таком не слышал.

– Орден Служителей? – переспросила Кимри. – Они правда были так могущественны?

– О, дорогая, это предмет для целой лекции, а может быть, и не одной. Как-нибудь обязательно тебе расскажу. Я занимаюсь исследованием их Школы Кайон³³ вот уже много десятилетий. Маги Ордена Шиката достигли удивительных вещей именно в том, что сейчас называют Путь Духа. Но давай всё-таки вернёмся к нашему перу. Попробуй ещё раз.

Кимриналь сосредоточилась и попыталась снова представить эти «пальцы»... Но вообразить, будто между ней и пером из воздуха соткано что-то живое, никак не получалось. А спустя пару минут в голову пришла другая идея. Ей представились тянущиеся от пальцев нити – прозрачные, будто состоящие из воздуха, но чуть более плотные... тянущиеся к перу...

Перо дрогнуло и внезапно отлетело прочь на несколько шагов, словно его хорошенько дёрнули. От неожиданности Кимри даже вскрикнула.

Наставник улыбнулся:

– Это хорошо! Неожиданно, но хорошо: взаимодействие с объектом произошло, значит, ты, действительно, нашла контакт. Теперь нужно повторить упражнение и постараться запомнить это ощущение. Не пытайся пока изменить действие – пусть себе перо отлетает прочь. Сосредоточься на своих чувствах и на том образе, который ты узнала только что.

³³ Кайон – гармония (имперск).

Кимри попыталась, но на этот раз перо лишь едва дрогнуло. Она попробовала ещё несколько раз, но поняла, что вообще перестала что-либо чувствовать. Мастер Этилор остановил её.

– Я вижу, ты утомилась. Ничего, это часто бывает: после первой удачи следует череда неудач. Таков процесс освоения. Сейчас тебе нужно отдохнуть, а позже, возможно, вечером, перед сном, попробуй повторить. Вот, – он протянул ученице перо, – пусть это будет всё тот же объект, для лёгкости.

Кимри воткнула пёрышко в узел на голове, чтобы не потерять или не сломать ненароком, и, поблагодарив наставника за урок, отправилась на обед. Роддвар уже сидел за их столом, занимаясь чем-то непонятным. На руках у него были тряпичные перчатки, и северянин, похоже, поливал их водой из стакана. Подошедший Шахарро не мог упустить возможности снова поддеть товарища.

– Шшшто, нашш северррный ддруг окончательнo лишился рррассудка? Шшто ты делаешшшь?! Пытаешшься прревратить эту сстоловую в Савано?

– Нет, – язвительно отозвался Роддвар, – пытаюсь телепортировать дом гекконов прямо тебе под ноги!

Кимри пригляделась к перчаткам: обычная с виду ткань, как оказалось, не пропускает воду.

– Всё-таки зачаровал? – улыбнулась она, вспомнив неудачу Роддвара на уроке.

– Ага. Проверяю, сколько времени держится.

Шахарро хотел что-то ещё прошипеть, но тут на него напрыгнула Лиснетта, принимаясь по обыкновению тормозить и чесать ему голову:

– Котиийиик! Где ты был, почему не пришёл на завтрак?!

Но хёдин неожиданно ощерился, хлестнул себя по бокам хвостом и весьма недружелюбно оттолкнул ринминку.

– НЕ ЧЕШШШИ МЕНЯ!!! – прошипел он без голоса, но очень громко.

У Кимри от этого яростного звериного звука по спине хлынули мурашки, а Роддвар, бросив свои эксперименты, недобро уставился на котолюда. Лиснетта, оторопевшая от неожиданной грубости, стояла в паре шагов, смаргивая быстро набегающие слёзы.

– Ты чего? Слана³⁴ обожрался? – набычился северянин. – Так пойдй проспись.

Шахарро длинно, с шипением, выдохнул и выговорил:

– Иззвиняюсссь...

Всё ещё нервно дёргая хвостом и спиной, он отодвинул стул и уселся. Лиснетта, обиженно шмыгая, устроилась подальше от хёдина, рядом с Роддваром.

– Чего я сделала-то? – проговорила рыжая, по-детски кривя губы.

– Прравда, прости. Ты ни при чём. Просто я...

Шахарро нервно оглянулся и, наклонившись поближе и понизив голос, признался:

– У меня это... линька...

– И чего? – не понял Роддвар. – Это повод зубы скалить?

– Ты не понимаешшшь! – вскинулся хёдин. – Это унизнительно! Всё чешшшется и зудит, шшерсть лезет клочьями... Я пол утра вычёсывался, чтобы выглядеть прилично!

– Ооой, – протянула мгновенно всё простившая ринминка, – бедный коотик...

– Я не бедный! – проворчал он раздражённо, и добавил раза в два громче: – Я – ззлющций! Так что лучше меня не тррогать в ближайшшше несколько дней.

– Ла-адно, я поняла. Роддвар, пойдём еды принесём? Вам что взять, ребята?

³⁴ Слан – наркотический сироп, приготовляемый из обработанной особым способом дайчинской соли – минерала, распространённого в Горной Провинции; в чистом виде и в небольших количествах дайчинская соль безвредна, зверолоуды вовсе могут употреблять её в любых количествах, однако слан – тяжёлый наркотик даже для них.

Кимри хотела было сказать, что не обязательно так уж её опекать, но тут же подумала, что уйти вместе с ними – это значит оставить расстроенного и пристыженного Шахарро одного, и решила, что сейчас не лучший момент. Роддвар и ринминка ушли к кормушке. Некоторое время Кимри и котолюд сидели молча. Хёдин мрачно обирал волоски с полы робы на колене, а кэриминка думала, что бы такого сказать ему в утешение, и стоит ли вообще говорить...

– Нет, вы только посмотрите, – раздался вдруг рядом чей-то презрительный голос.

Кимриналь обернулась – рядом с их столом остановилось несколько тайсоминов. Ей пришлось ощутимо поднять голову, чтобы увидеть лицо того, кто остановился ближе всех: рослого и такого светлого и светловолосого, что в первое мгновение даже показалось, он светится. Впрочем, следующие слова уничтожили всё впечатление.

– Гляньте на это животное, – он обернулся к ухмыляющимся в предвкушении стычки товарищам. – Притащил свою линяющую шерсть туда, где нормальные ученики едят!

Шахарро мгновенно ошетинился:

– Тебя ззабыл спрросить!

– А зря. Я бы сказал, где место таким как ты, – точёное красивое лицо старшего эльфа совсем испортила презрительная усмешка.

Это было так возмутительно, что Кимриналь, неожиданно даже для себя, сказала негромко, но твёрдо, глядя тайсомину прямо в яркие светло-золотые глаза:

– Оставьте его в покое. Он ничего вам не сделал.

Эльф, как ни странно, отвёл взгляд, но процедил с неприятной миной:

– Что, будешь прятаться за юбкой, шерстяной мешок?

Хёдин вскочил с разъярённым шипением, хлестнув хвостом по ножкам стула:

– Очень ушши ты гладок, как я погляжжжу! Хочешшь – испрравлю?!

В лапах Шахарро вспыхнул огонь.

– Не надо! – воскликнула Кимри, но котолюд тоже пропустил её слова мимо ушей.

Огненный клубок слетел с его лап так стремительно, что сидевшие поблизости ученики дружно ахнули, а стоявшие позади тайсомина товарищи шарахнулись в сторону. Эльфа же с ног до головы обняло пламя, поглотившее заклинание Шахарро. Кимри не на шутку перепугалась – она не сразу поняла, что это собственное заклинание *огненного покрова* окутало тайсомина.

– В леса, животное! – процедил он, готовясь выстрелить заклинанием в ответ.

Хёдин, бросив магию и, кажется, остатки здравого смысла, выпустил когти и с яростным воем прыгнул вперёд. *Огненный покров*, разумеется, обжёт его, Шахарро зашипел, отскакивая и сбивая пламя с лап.

– Ахх ты... недопёсок плащщщщеноссный!!!

Кот схватил стул и запустил в тайсомина. Стул с грохотом отлетел, оставляя за собой дымный след, и рухнул на пол, рассыпая угли. Ученики, повскакавшие с мест, шарахнулись в разные стороны. Следом за стулом полетел снежный заряд, ещё один, третий, – но все они истаяли, запутавшись в огненном вихре, и не долетели до издевательски хохочущего эльфа.

– Палёная кошка! Кто тебя только взял в Кадай – ты даже *снежок* нормальный наколдовать не можешь!

Он выстрелил в хёдина серией колючих *ледяных шипов*, от которых Шахарро едва увернулся – ледышки со стеклянным звоном раскололись о стену где-то за его спиной.

– Клянусь топорами Норгейра, щас ты у меня получишь *снежок*!.. – раздался бас Роддвара.

Кимри, видя, как он приближается, сметая всё и всех на своём пути, в отчаянии бросилась между огнём и холодом, раскинув руки и выставив два щита.

– Прекратите! Хватит!

Хёдин, увидев перед собой Кимриналь, сразу перестал бросаться заклинаниями, но старший эльф не снял *покров*, и левый щит Кимри через пару секунд разбился под напором огня.

Руку ощутимо ожгло от кисти до локтя. На её счастье в этот момент в столовую влетел мастер Инх Шэк и швырнул в тайсомина издали заклинанием *отмены*. Разъярённый свист гекконолюда заставил всех вздрогнуть:

– Ссссейчасссс же пересстать!!! Вы ссвихнулисссс! Айралор! Шахарро! Вон из ссстоловой! В купальни! Наказаны оба! Пока всссё не отмоее и не осстынете – чтобы я вассс не видел!

Экидинский выговор, превративший звук «р» в яростно хрипящее горловое «х», заставил старшего эльфа передёрнуться от отвращения.

– Ещё не хватало. Я тут не прислуга – мытьём заниматься! – бросил он надменно.

– Я вассс не сспросил! – окончательно взбесился мастер Инх Шэк. – Не желаете подчиняться – извольте предстать перед Сссоветом Кадая, и клянусь, я позабочусь, чтобы вассс иссключили ссегодня же!!!

Айралор зло спихнул с дороги дотлевающий стул и вылетел вон, бормоча нечто нелестное о взявших волю животных. На его счастье, учитель не разобрал этих слов, обернувшись к своему провинившемуся подопечному.

Хёдин пристыженно пробормотал:

– Простите, мастер...

– Сс глассс моих! – выплюнул в ярости и досаде гекконолюд. – Вычисстить здесссь – и в купальни!

Шахарро встопорщил усы, но заткнулся и принялся поднимать стулья и расставлять столы. Роддвар молча присоединился к нему. Лиснетта так и осталась стоять поодаль, разинув рот и всё ещё держа подносы с едой для себя и Кимри.

Приведя место побоища в порядок и притащив с чьего-то стола оставленную там во время свары еду, Роддвар уселся за стол и потянул кота за рукав:

– Давай, садись. Поешь. Никуда твои купальни не денутся.

– Пссина беломорррдая, – прошипел Шахарро, трясясь от ярости, и северянин обалдело уставился на него. – Да не ты! Этот прроклятый тайсомин... Поссорить меня с наставником! Дррянъ. Совсем дррянъ. Накупаетсся он у меня сегодня в помоях!

– Шахарро, не нужно. Будет только хуже, – решила возразить Кимри. – Мастер Инх Шэк ещё больше рассердится, а этот... только порадуетсся.

– И шшто, я должен сстерпеть!?

– У нас в таких случаях принято молча облить презрением. Так, чтоб сосульки с носа повисли, – усмехнулся китадин. – Уверен, у тебя прекрасно получится сделать вид, что рядом с тобой не больше, чем никчёмный обмылок.

Хёдин проворчал что-то неразборчиво и вцепился зубами в остывший кусок мяса. Быстро покончив с едой, он поднялся и поспешно ушёл отбывать наказание. Оставшиеся друзья некоторое время ели молча.

Лиснетта, подвинув к себе чашку с чаем, пробормотала:

– Айралор – придурок. Чего взъелся? Лишь бы перед своими побахвалиться. Будет так продолжать, хёдины с экидинами соберутся вместе да подстерегут его в тёмном коридоре. И всё его благородное происхождение ему не поможет.

Роддвар качнул головой с сомнением:

– Он весьма неплох в Пути Разделения. Глянь, как стену изрешетил! От таких ледышек даже мне бы не поздоровилось, если честно...

Кимри поёжилась, представив, что было бы, если бы эльф вздумал атаковать *ледяными щитами* её: слабые щиты не выдержали бы и секунды... Кстати, что это левое предплечье так саднит? Она приподняла рукав робы, и рыжая рядом ахнула: бледно-серая кожа кэриминки была покрыта мелкими-мелкими пузырьками ожогов.

Роддвар присвистнул:

– Ничего себе, у него защита!

– Дай-ка, – отпихнула его Лиснетта. – Ну, в общем, ничего страшного, я летом, бывало, сильнее обгорала. Это я сейчас вылечу.

Ринминка зашептала формулу *исцеления*, вода ладонью над повреждёнными местами. Кимри поморщилась – стало тепло и колко. Но через полминуты от ожогов не осталось и следа. Значит, подумала Кимри, кэриминской крови в ней достаточно, чтобы не просто окрасить кожу, но и придать ей устойчивость к огню, которой славилась раса падших эльфов. Почему-то это порадовало.

– Что собираетесь делать? – полюбопытствовала Лиснетта, когда с завтраком было покончено.

– Я за травами, – ответил Роддвар. – Кимри, пойдёшь?

– Конечно, – кивнула она.

Идти в одиночку за ворота замка Кадая ей не очень хотелось.

– А можно с вами? – попросилась рыжая. – А то у меня репетиция только вечером, а Шахарро наказали, и я теперь помру со скуки!

– Конечно, можно. – кивнула Кимри. – А что за репетиция?

– А вы не знаете? – возбуждённо затараторила Лиснетта, то семена рядом с неспешно шагающими друзьями, то пятясь перед ними по коридору и оживлённо размахивая руками. – Завтра же Курэмон³⁵, день призывания Аса'ю! Совет Кадая разрешил нам устроить праздник.

– Аса'ю же вроде из Богов-Хозяев, а не Наставников, – удивился Роддвар. – Разве им не запрещено поклоняться?

Лиснетта беспечно пожала плечами, а Кимри ответила:

– Мастер Эттилор рассказывал мне, что в последние годы теологи обсуждают, не стоит ли перенести Аса'ю в пантеон Богов-Наставников. Потому что она, в самом деле, сильно отличается от остальных: помогает всем, кто к ней обращается, никогда не вредит своим верным и не играет с ними, даже защищает от других Хозяев. Есть свидетельства, что она многих уберегла во время Кризиса Ная. Вряд ли этот перенос, конечно, случится скоро, но поклоняться ей разрешено – в виде исключения. Тем более, у нас: она ведь помогает в управлении магической силой.

– Ну, и вот, – нетерпеливо перебила Лиснетта, – а я там, на празднике, буду танцевать! Обязательно приходите, будут обряды на закате, большущий концерт и фейерверки, и ярмарка, и состязания! Мы уже целый месяц с третьшагами готовимся. Завтра с рассвета начнём всё украшать, к завтраку вы замковый двор не узнаете! Хотите – можете прийти помочь, будет весело. Роддвар, ты сможешь? Надо будет, кстати, кое-что перетащить. У нас, конечно, есть ребята, но с тобой мало кто сравнится – ты, наверное, самый сильный во всём Кадае! Ведь сможешь, да? Да?

Северянин пожал плечами:

– Не вопрос. Приду.

– Ура-ура-ураа!

Лиснетта радостно захлопала в ладоши и даже попыталась прыгнуть Роддвару на шею, но не рассчитала и только повисла на его каменном плече, восторженно вереща. Северянин, и глазом не моргнув, спокойно пронёс так рыжую полкоридора и два пролёта лестницы. Кимри шла чуть позади, глядя, как дурачится Лиснетта, и почувствовала лёгкий укол зависти. Ей бы в жизни не хватило наглости так вести себя с громадным воином, даже зная, что вся его суровость – одна видимость. И веселиться так безбашенно она, пожалуй, тоже не умеет...

– Ааа, Роддвар, стой уже, я сейчас свалююсь! – верещала Лиснетта, запрокидывая голову от хохота.

³⁵ Курэмон – 21-е месяца Тёплых Ветров, весеннее равноденствие, день призывания Аса'ю.

– Не дождёшься.

Даже флегматичный северянин улыбался, искоса поглядывая на её растрепавшиеся огненные волосы и разругавшееся курносое личико. Сделав неуловимо быстрое и ловкое движение рукой, на которой повисла ринминка, он уже через секунду держал её за талию и аккуратно ставил на пол возле тяжёлых створок уличной двери.

– Сиилища! – протянула рыжая, не скрывая восхищения, отчего Роддвар, кажется, опять смутился и поспешил выйти на двор.

– У вас в Морино³⁶ все такие? – пробурчал китадин, притворно хмурясь.

– Какие – такие? – Лиснетта опять скакала задом-наперёд, склонив голову на бок с неза-тейливым полудетским кокетством.

Он пожал плечами:

– Такие. Скачешь, как белка по кедру вокруг ствола, и стрекочешь без умолку.

– Чегооо «стрекочешь»? – надула губы ринминка. – Ну, не нравится – могу замолчаать...

– Кто сказал «не нравится»? – удивлённо поднял бровь северянин. – Белки забавные. У меня дома целый выводок кормился зимой.

– Ой, правда?! – тут же расцвела рыжая. – А Расскажи ещё про свой дом. Говорят, у вас зимой Никко не встаёт совсем и чуть не полгода ночь – правда?

– Ну, это только совсем на севере так, в Нордфьелле и дальше, – охотно ответил Роддвар, шагая по замощённой Внутренней Кольцевой дороге, возле которой стоял Кадай, потом свернул к западу от замка, прямо в густую траву. – И то, в Нордфьелле он просто низко ходит, за горами. Днём сумерки, как будто весь день рассвет. А в Виттэле уже нормально поднимается, только день короток.

Кимри, путаясь в высоких, кое-где выше колен, зарослях, пробиралась следом, пытаясь представить себе, каково это, когда весь день – рассвет...

– А что за небесные огни такие? – Рыжая сделала большие испуганные глаза. – Я от нандина³⁷-караванщика слышала, будто ночами небо страшно горит...

Северянин возмущённо фыркнул:

– Пфф! Страшно... Красиво! Если б увидела – стрекотать забыла бы. Я сколько раз видел – и то дыхание схватывало...

– Да ты Расскажи, Расскажи!!

– Ну, это... представь себе тёмное-тёмное небо, всё в колючих звёздах. И от края до края – вьются цветные ленты. Зелёные, синие, лиловые, красные, жёлтые. Медленно так, как вода в тихой реке. Вьются, кружатся, свиваются в кольца. И каждая лента сложена из миллионов стоячих узких игл света. Если вспыхнет прямо над головой – кажется, в тебя световые копы летят!

Лиснетта примолкла, заворожённо распахнув невидящие глаза, пытаясь представить волшебную картину, и чуть не полетела носом в траву, споткнувшись о камень – Роддвар еле успел поймать её.

– Эх ты, рот разинула, белка...

– Ребята, – негромко окликнула молчавшая до сих пор Кимри. – Стойте.

Что-то в её голосе заставило друзей немедленно послушаться. Роддвар взглянул туда, куда смотрела кэриминка, и тут же подтолкнул обеих эльфиек себе за спину.

– Тихо, – прошептал едва слышно. – Там волк. Назад.

Они попятились, надеясь, что хищник не услышит шагов, но ветер дунул с их стороны, и зверь, учуяв запах, вздыбил шерсть на загривке и угрожающе зарычал. И какой же он был огромный! Привычные Роддвару китанские вечно голодные поджарые волки показались бы

³⁶ **Морино** – Лесная провинция, дом ринминов, лесных эльфов.

³⁷ **Нандины** – «южные люди», жители Пустынной провинции – Аранно.

дворовыми собачонками рядом с этим упитанным мощным волчищем. В шерсти на загривке рука утонула бы, пожалуй, по локоть...

Северянин потянул кинжал из ножен. И тут Лиснетта вцепилась в его руку.

– Ты что! Не смей! – прошипела она яростно. – Это же волчица, у неё щенки!

– И чего, кормом им стать? – буркнул Роддвар.

– Уйди, дурень! И железо убери, напугаешь! Уйдите оба, я сама!

И, не обращая больше внимания на друзей, обомлевших от ужаса, ринминка открыто двинулась прямо к скалящейся волчице. Через несколько шагов Лиснетта пригнулась и, почти встав на четвереньки, вдруг издала тихий скулящий звук. Волчица насторожилась, удивлённо склонила лобастую голову набок, прислушиваясь. Шерсть на загривке зверя медленно улеглась. Лиснетта неторопливо приближалась, продолжая поскуливать, остановилась в паре шагов и неожиданно звонко взлаяла. Волчица чуть припала на передние лапы, повернула голову на другой бок, выслушала ещё пару лающих «фраз» рыжей двуногой, потом встряхнула головой и потрусила прочь. Шагах в десяти остановилась, подхватила зубами за шкуру крупного толстолапного волчонка и потащила в глубь оврага, на краю которого случайно оказались ученики. По склонам росли кусты колючего красноплодника, а на дне лежал огромный полый ствол наканского бархатного дуба, у полусгнивших корней которого, в примятой траве, кто-то едва заметно возился.

Лиснетта медленно, пятясь, отступила шагов на двадцать, выдохнула и повернулась к ошарашенным друзьям. По лицу ринминки, растерявшему привычный золотисто-оливковый цвет, стекало несколько капель пота.

– Ну, чего смотрите, – прошипела она, – пошли отсюда, быстро! Там ещё двое волчат, она сейчас вернётся за ними.

Прошагав пару сотен шагов южнее, прочь от волчьего логова, они почти вернулись ко Внутренней Кольцевой и перестали, наконец, нервно озираться. Роддвар приостановил ринминку за плечо.

– Это чего было?

Рыжая неожиданно зло вывернулась из его руки и рыкнула через плечо, продолжая шагать напролом по густой траве:

– А что, лучше было убить?

Северянин озадаченно пожал плечами.

– Лучше – не лучше... Напала бы – убил бы. Не впервой.

Лиснетта неожиданно яростно развернулась, налетела на Роддвара и вцепилась ему в рубаху:

– Не смей! Не смей при мне такое говорить! Они же живые, ты что, не понимаешь?! Они раньше нас тут жили, их Боги-Создатели³⁸ прежде нас сотворили! Нас не станет – они дальше тут жить будут! Или тебе еды мало? Или не хватает льна для одежды? Или перед нами силой покрасоваться хотел?!

Видя, как застывает от незаслуженной обиды лицо Роддвара, Кимри взяла рыжую за локоть и потянула прочь, но та крепко вцепилась в плотную, как парусина, ткань китанской рубахи. Роддвар осторожно, но непреклонно отцепил ринминку и подтолкнул к подруге, а сам отошёл на несколько шагов, раздосадованно пнул пару камней, остановился и улёгся в траву, закинув руки за голову. Рыжая хотела что-то ещё сказать ему вслед, но Кимриналь опять потянула её к себе.

³⁸ **Боги-Создатели** – **Ритцу** (суть ритм и гармонический порядок, и сохранение; не столько божественная сущность, сколько мировой принцип, хоть мифы её и персонифицируют вплоть до присвоения женского рода) и **Мидапу** (суть хаос и разрушение, которое можно осмыслить и как зло, и как благо, ибо без разрушения нет обновления и исправления ошибок; персонифицируется как мужчина); считаются творцами Оодай, всех богов, живых существ и Разумных; Ритцу и Мидапу различны, но вместе с тем едины, существуют в непрерывной и полной взаимосвязи, дополняя и уравнивая друг друга.

– Лиснетта, послушай. Иди сюда, успокойся. Ну?

Кимри нерешительно обняла маленькую ринминку за плечи, но это неожиданно помогло – Лиснетта опомнилась.

– Ну, что ты говоришь? – Кимриналь заглянула рыжей в глаза. – Это же Роддвар, он крысы зря не обидит! Просто он воин и привык защищать. Чего ты так злишься? Он же не побегал рубить твою волчицу, а послушал тебя и отошёл!

Лиснетта засопела, опустив глаза:

– А меня не было бы – пошёл бы на неё.

– Знаешь, – призналась Кимри, – и я бы пошла, если б она к нам двинулась... Попыталась бы хоть отогнать заклинаниями. Аса'ю-Мать, да я напугалась до смерти!

– Дикие вы все, – проворчала ринминка, усаживаясь в траву. – Зверь не будет нападать без причины.

– У вас в Морино, может, и не будет. А тут звери человека боятся и не любят.

– У нас... – рыжая фыркнула саркастически. – Ты что, про ринминов совсем ничего не знаешь? У нас она бы не стояла и не ждала – удрала бы, может, даже волчат побросала бы.

– Почему? – удивилась Кимриналь.

Лиснетта ответила, явно что-то язвительно цитируя:

– Потому что «охота – священное право», потому что «без охоты ринмин не считается взрослым», потому что нельзя же отказаться от тысячелетних традиций только потому, что теперь у нас есть домашний скот, который нас кормит и одевает, потому что... А!..

Лиснетта махнула рукой и смолкла. Кимри смущённо покачала головой:

– Я не знала, прости. То есть, ты...

Ринминка фыркнула:

– То есть – я, да. Отказалась от Первой Охоты и не могу считаться взрослой. Всей семье сухой костью в горле стала. Но знаешь, я рада, что меня сюда отправили. Здесь дышать легче. Здесь я просто «чуток с заскоком», – Лиснетта покрутила растопыренными пальцами возле головы, – а не враг всех традиций рода. Предложи мне кто обратиться в шиндина – я бы ни секунды не думала, с радостью рассталась бы даже с эльфийским долголетием. Вот так.

Они несколько минут просидели молча. Кимри, как водится, хотела было сказать то и это, да всё боялась неловко выразиться и ненароком обидеть вместо утешения. Но Лиснетта была слишком жизнелюбива, чтобы долго злиться или печалиться. Встряхнув рыжими космами, она вскочила и решительно направилась к северянину.

– Роддвар, слушай, извини. Я опять забыла, что другие думают не так, как мне хочется...

Он сел и по обыкновению флегматично пожал плечами:

– Бывает.

Лиснетта плюхнулась рядом и просительно заглянула ему в лицо:

– Ты ведь не обижаешься больше, нет? Ну, скажи!

Роддвар, неловко отводя глаза, поднялся, буркнул:

– И не начинал.

Рыжая радостно пискнула и опять напрыгнула ему на плечо, дрыгая ногами:

– Ты прелесть-прелесть-прелесть!

– Пошли траву собирать, – тихонько стряхнул её китадин и огляделся. – Что из этого асакао³⁹?

Лиснетта фыркнула:

– Из этого – ничего. Асакао – выюн! И скорее всего, ещё не зацвёл, но вам же всё равно корни надо.

³⁹ Асакао – «утренний лик» (имперск.), выюн с крупными цветами-колокольчиками, распускающимися на рассвете.

– Не смыслю я в местных травах, – проворчал Роддвар. – Называются Най знал как... И на кой вообще по лесу лазить, когда всё в аптекарском огороде растёт?

– Чтоб знать, где что искать в походе, балда! – ринминка ткнула его кулачком в плечо. – Что вам задали?

– Темноцвет, птичий хвост, прохладку и утренний лик, – ответила Кимри.

– Так, *торио*⁴⁰ лучше повыше, в лесу собирать, – махнула рукой ринминка на вершину небольшого холма, под которым остановились друзья. – А *сузуми*⁴¹ и *йоруха*⁴² тут должны быть. О, вот!

Лиснетта аккуратно сорвала растеньице с фиолетово-жёлтыми звёздочками.

– Прохладку я знаю, у нас тоже растёт, – кивнул Роддвар и направился к серебристо-сизому кустику чуть поодаль.

– А за утренним ликом надо подальше, во-он туда, к развалинам – он любит по стенам виться, – и рыжая вприпрыжку двинулась к остаткам полукруглого сооружения, в котором едва угадывалась архитектура ой'аминов, когда-то правивших в долине реки Ядзиро.

Роддвар проводил Лиснетту задумчивым взглядом и проговорил, почесав в затылке:

– Это выходит, семья её сюда типа в ссылку отправила?

– Похоже, – вздохнула Кимри, сообразив, что северянин слышал весь их разговор.

Роддвар помолчал и, глядя, как рыжая ловко карабкается на остатки каменной стены, добавил совсем тихо, про себя:

– Отчаянная девчонка...

В Кадай друзья вернулись только к ужину, даже немного опоздали, пока умывались и передевались после лазания по кустам и копания в земле.

Шахарро ждал их за уже привычным столом в углу, мрачный и встрёпанный. Лиснетта машинально потянулась было погладить его по голове, но вовремя отдернула руки и даже спрятала их за спину.

– Привет, котик! Как ты?

– Нормально, – буркнул хёдин.

– Беломордый-то жив? – поинтересовался Роддвар с усмешкой.

– К сожалению. Вон, Двойняшек в свою свиту заманил...

Айралор, в самом деле, сидел за столом в компании Двойняшек и ещё нескольких тайсоминов со старших шагов. Двойняшки смотрели на нового знакомого с восторгом и обожанием.

– Совсем он их испоррит, – проворчал Шахарро. – И так безголовые...

Кимри прислушалась к разговору тайсоминов. Айралор рассказывал товарищам о своих родителях, то ли занимающих какие-то высокие посты при короле Ольданоре, то ли состоящих с ним в родстве. Кичился он этим так откровенно, что слушать было неловко. Когда же тайсомин заговорил о том, что старшие эльфы – единственные истинные предки всех народов, даже людей, и что все остальные расы обязаны им своим существованием, а также языком, культурой, наукой и прочими благами, Кимри стало гадко и скучно. Она уткнулась в тарелку и стала слушать, как Лиснетта и Роддвар рассказывают хёдину о встрече с волчицей.

– А я думал, вы, наоборот, охотитесь, – удивился Шахарро. – Первая Добыча, всё такое.

– Первая Охота, угу, – поправила ринминка ворчливо. – А как по мне – всё живое бесценно!

– Чем же тогда питаться, воздухом? – возразил хёдин. – А одеваться?

⁴⁰ **Торио** – «птичий хвост» (имперск.), род папоротника.

⁴¹ **Сузуми** – «прохладка» (имперск), морозостойкий низкорослый кустарник с мелкими серебристо-сизыми листочками и красивыми сине-фиолетовыми цветами, собранными в длинные колоски.

⁴² **Йоруха** – «темноцвет», «ночной цветок» (имперск.), ядовитое растение с крупными сердцевидными листьями и мелкими тёмно-фиолетовыми с ярко-жёлтой сердцевинной цветками, собранными в редкие кисточки.

– Тем же, чем все нормальные люди! – запальчиво вскинулась Лиснетта. – Сотни лет уже домашний скот разводим на мясо, шкуры и шерсть, джут выращиваем такой и сякой. Мало этого что ли? Нет, вцепились в свою *тради-ицию!* И не понимают, что следующий шаг совершенно логичен. Конечно: проще жить, как есть, а того, кто говорит неудобные вещи – отправить подальше.

Лиснетта поджала губы и спрятала глаза. Похоже, рыжая переживала своё изгнание куда сильнее, чем желала показать. Кимри было искренне жаль подругу.

– На острове Ульскалле есть одно племя, – задумчиво сказал Роддвар, – яанвайи. Они бы тебе понравились. Поклоняются только двоим Богам-Создателям и стараются жить так, чтобы не нарушать баланс между ними. Магией не пользуются, живут своими огородами, держат минимум скота. Дома строят из камня, на дрова берут валежник, охотятся, только если по-настоящему есть нужда, и сопровождают это каким-то обрядом-извинением за взятую жизнь. Яанвайи считают, что у каждого живого существа – не только у людей и эльфов – есть разумная душа. Так что, эти ребята к любой жизни относятся с большим почтением и стараются лишний раз не лезть в естественный ход вещей.

Хёдин скептически хмыкнул, но не стал больше вмешиваться в разговор.

– А этот... Скало-как-его-там – где это? – вскинулась рыжая.

– Ульскалле, – терпеливо поправил Роддвар. – Волчий Череп по-вашему. Это большой остров на востоке от Китано.

– Рин-Рин⁴³, там же, небось, холодрыга...

– Ну, да.

– Жалко... Ой, ну, ладно, ребята. Я пойду спать, – поднялась Лиснетта. – Завтра сумасшедший день. Роддвар, так ты придёшь помогать?

Северянин кивнул. Лиснетта на прощанье погладила Кимри по плечу, всё-таки почесала тихонько Шахарро между ушами, чмокнула китадина в щёку, недобро зыркнула на компанию старших эльфов и убежала. Роддвар проводил её задумчивым взглядом до самых дверей. Котолуд, глядя на него, встопорщил усы в усмешке, но благоразумно воздержался от замечаний вслух.

⁴³ **Рин** – одна из Богов-Наставников, хозяйка растений, животных, рыб и птиц, природных духов, духов вещей, хозяев местностей, а также покровительница анимагов; лесные эльфы особо почитают её, восклицание «Рин-Рин» широко распространено в Морино как выражение удивления, восхищения и т. п.

7. Курэмон

На следующее утро Кимриналь долго нежилась в постели. Подумала, не пойти ли на спортивную площадку, но мышцы почти не болели. Потом вспомнила о сегодняшнем празднике и решила, что там, наверное, уже полно народу. Кимри надела единственную более-менее нарядную робу – лиловую, отороченную узкой голубой каймой. Это был подарок Йак Та, начальницы накского шисэна, перед самым отъездом Кимриналь в Кадай.

Никого из друзей в столовой не оказалось. Наскоро позавтракав, Кимри вышла во двор. Здесь было шумно, как никогда. В глазах зарябило от развешанных повсюду флажков, цветочных гирлянд и пёстрых лент. На тренировочных площадках устроили места для состязаний, незатейливые аттракционы и даже пару каруселей. Всё свободное пространство напротив ворот занимала ярмарка – от Северной и до Западной башни, возле которой соорудили помост с алтарём и статуей Аса'ю, обращёнными на закат. Перед помостом выстроили целый амфитеатр для зрителей.

Кимри, наверное, так и стояла бы у стены, наблюдая за пёстрым праздником издали, но примчалась Лиснетта и увлекла подругу в самую гущу ярмарки, показывая то одно, то другое. Потом присоединились Роддвар и Шахарро, потащили эльфиек посмотреть состязания, ввязались сами в борьбу и валяли друг друга в песке до тех пор, пока исцарапанный Роддвар не скрутил кота в дайчинский узел, вынудив просить пощады. Впрочем, поднявшись, Шахарро только дружески похлопал северянина по плечу, признавая его превосходство в рукопашной. Зато в палатке, где можно было стрелять по мишеням слабыми заклинаниями, хёдин показал класс и одарил Лиснетту и Кимри целой кучей выигранных украшений, сделанных учениками же из дерева, ракушек, бусин, шёлковых шнурков и разноцветных камешков.

Обедать в столовой никто не захотел – устроились в ярмарочной закусочной, где можно было попробовать блюда из разных провинций. Кимри нашла даже запечённые по-хайнски клубни чернокорня и взяла попробовать – оказалось вкусно. Роддвар радостно набросился на вяленую и жареную рыбу, запивая её хвойным мёдом из Фёрштэ, что под Химмельн-Хюсом. Лиснетта отважилась попробовать непривычный напиток и заявила, что это вкусно, но хёдин не разделил её восторгов. Роддвар только фыркнул:

– Да, вот дайчинской соли для тебя тут не припасли.

– А жаль.

– Фу, это же наркотик! – скривилась ринминка.

Шахарро даже чихнул от возмущения:

– Это для вас, голокожих, наркотик! А для всех звероловов – прекрасная тонизирующая специя! Я же не слан из неё варить предлагаю!

– Ой, тише ты! – шикнула Лиснетта. – Сейчас распорядители услышат, и начнут разбирательства, кто это тут и зачем про запрещённую дрянь вопит! Весь праздник мне испортишь!

– Не я перрвый начал, – проворчал котолод, но продолжать тему не стал.

Когда Дедушка Никко склонился к самому горизонту, все уже порядком нагулялись. На сцене зажглись огни, ученики и наставники потянулись занимать места в амфитеатре. Лиснетта протаскала своих друзей во второй ряд, усадила там и унеслась переодеваться за ширмы, установленные сбоку от сцены – её танец открывал вечерние обряды. Аса'ю почиталась как Мать Рассвета и Заката, магии междуцарствия сумерек, потому и поклонялись ей при восходе и заходе Никко.

Гонг прозвучал ровно в ту секунду, как светило коснулось краем горизонта. Мастер Инх Шэк пустил вдоль края сцены маленький огненный шарик, он пролетел по дуге, зажигая расставленные лампы. Зазвучали барабаны – сначала медленно и мерно, но всё убыстряя и усложняя ритм. Кимри пропустила момент, когда Лиснетта, с распущенными пылающими

волосами, в ярко-жёлтом платье, вихрем вылетела на сцену. Вот её нет, а вот – она стремительно вращается, окружённая кольцом огня. В руках у ринминки пылали два тонких факела, с которыми она принялась вытворять такие штуки, что Кимри зажала рот ладонью. Лиснетта швыряла горящие факелы то над головой, то у себя за спиной, ловила их, изогнувшись в невообразимых позах, жонглировала ими и рисовала в закатном розовом сумраке огненные узоры и вихри. На самом пике барабанный грохот резко смолк, а факелы медленно-медленно опустились в чашу с водой и с шипением погасли – ровно в тот момент, когда Никко полностью скрылся за горизонтом.

Амфитеатр взорвался восторженными воплями, топотом и аплодисментами. Когда крики поутихли, несколько магистров провели обряд призывания Аса'ю, осыпав белыми лепестками благоухающей вечерницы установленный в глубине сцены алтарь. В воздухе разлилось перламутровое сияние, от которого у Кимриналь тонко защемило в груди. Она смотрела на стекающий с алтаря прозрачный туман, и не могла понять, чудится ли ей – или в самом деле из мерцающих текучих струй поднялась женская фигура в ожерелье с Лунной Семьёй⁴⁴ и в венце из восьми звёзд Небесной Семьи⁴⁵ на голове. Поднялась, окинула взором волнующую толпу, повернулась и взглянула обомлевшей Кимри прямо в глаза...

После обряда театральный клуб представил пьесу о деяниях Аса'ю в дни Кризиса Ная, а по завершении на сцену снова вышла Лиснетта. На этот раз она оделась в тёмно-зелёное, расшитое полированными чешуйками платье. Шаги её сопровождал приятный сухой звон бубенчиков, сделанных, из коробочек какого-то растения, наполненных семенами. На руках ринминки подрагивали такие же браслеты. Это было красиво и немного странно – не только видеть, но и слышать каждый жест.

Ринминка вышла на середину сцены с пустыми руками и остановилась, склонив голову. Протяжно и негромко зазвучала флейта⁴⁶, выводя долгие плавно перетекающие ноты. К ней присоединился глубокий и чистый женский голос, свивая грустную и светлую мелодию без слов, от которой у Кимри по спине хлынули мурашки. Она зажмурилась от подкатившего комком к горлу восторга, и в этот момент танцовщица начала двигаться. Бубенчики на плавно поднимающихся руках Лиснетты скатились к локтям, прошелестев тихо, словно лёгкий летний дождь. В поднявшихся над головой ладонях ринминки затеплились чуть голубоватые *миражные светлячки* – слабые, неяркие, мерцающие, как первые звёзды на небе сразу после заката. Плавно покачиваясь и изгибаясь, наклоняясь, поднимаясь и запрокидываясь, мелко шагая и приседая, Лиснетта рисовала светом завораживающий узор: он тянулся вслед за звёздочками туманным полупрозрачным шлейфом и медленно таял. Призрачные линии сплетались и закручивались изящными завитками, расплетались, распадалась и растворялись в воздухе, как дым только что погасшей свечи. Сияние в ладонях ринминки постепенно становилось ярче, узоры чётче и долговечнее. Лиснетта передвигалась по сцене, словно тень, уже почти невидимая позади сплетения туманных линий, невообразимой сетью опутавших всю сцену.

Музыка стала громче, к флейте и голосу добавился ненавязчивый ритм барабана, и мягкий звон, сопровождающий шаги танцовщицы, гармонично вплёлся в него тихим отголоском. Огоньки в порхающих ладонях ринминки разгорелись до белого сияния, потом стали голубыми, зеленоватыми, жёлтыми, рыжими, красными, лиловыми. Узоры становились всё сложнее, расцветая невиданной резной листвой и удивительными бутонами, вспархивая чудными птицами и пёстрыми мотыльками. Цвета смешивались, создавая новые оттенки. Лиснетта кру-

⁴⁴ **Лунная Семья** – три луны мира Оодай: Ото (Отец) – самая крупная, лиловая; Насу (Мать) – поменьше, голубоватая, Томо (Дитя) – самая маленькая, золотая, очень редко видна, так как прячется за спинами Родителей.

⁴⁵ **Небесная Семья** – шесть созвездий (старшие брат и сестра, младшие брат и сестра, Наставник и Император – Отец Народа), солнце Никко (Дед) и сама Оодай (Бабушка).

⁴⁶ Deuter & Annete Cantor – Temple of silence (https://www.youtube.com/watch?v=smG_g3qQsqqs)

жилась, руки её сплетались и порхали, взлетали и опускались, создавая неопишемую сеть узоров всех цветов радуги.

Наконец, она остановилась, широко раскинула руки, и все нити узоров потянулись к кончикам её пальцев, словно втягиваясь в них. Чудесные рисунки, расплетаясь, будто вязаный платок, распадались и угасали. Лиснетта собрала ладони чашей, погасив почти всё сияние, кроме пары звёздочек. Она развела кисти, уронив звёзды к ногам, и опустила руки. Когда же, вторя возвышающемуся голосу певицы, ринминка стала снова медленно поднимать их с повернутыми вниз ладонями, чуть растопырив пальцы, звёздочки послушно поднялись в воздух, а за ними потянулись два световых шлейфа – плоские ленты, собранные из тонких световых игл, становящиеся всё длиннее, шире и ярче. Лиснетта подняла руки над головой, медленно повернулась вокруг себя, едва заметно двигая руками, и сияющие ленты поднялись над ней, переливаясь зелёным, лиловым и синим. Лиснетта обернулась лицом в зал, взмахнула ладонями, и сияние поплыло над сценой и дальше, протянулось над головами ошеломлённых зрителей и закачалось в воздухе, свиваясь и развиваясь, текуче переливаясь в такт музыке, будто волны быстротечной реки...

– Ох ты ж!.. – сдавленно выдохнул Роддвар.

Под медленно текущий вокализ ленты мягкими извивами покрыли всё пространство над амфитеатром, продолжая завораживающий, невиданный танец – то свиваясь тугими спиралями, то вытягиваясь, то слегка угасая (и сердце замирало – неужели это всё?!), то снова ярко вспыхивая. Лиснетта на сцене стояла с поднятыми руками, вытянувшись в струнку и почти не шевелясь – только кончики пальцев подрагивали, незаметно управляя танцующим светом. Все замерли, затаив дыхание и не отрывая расширенных глаз от потрясающего зрелища.

Наконец, под затихающую музыку, ленты сияния разделились на отдельные иголочки, плавно осыпались неощутимым дождём на потрясённых зрителей и медленно, медленно угасли над самыми их головами... Эхо чудного голоса ещё некоторое время носилось в воздухе, потом утонуло в ошеломлённом молчании...

Лиснетта опустила руки и замерла посреди сцены, едва дыша от волнения. Она смотрела на безмолвных зрителей, а они смотрели на неё, и целую минуту никто не решался издать ни звука.

Внезапный хлопок и долгое шипение разорвали тишину. Яркая вспышка расцвела слева от амфитеатра, заставив многих вздрогнуть. Обещанный фейерверк должен был привлечь всех на площадку возле алхимического огорода, но никто не двинулся с места. После увиденного светового шоу блёклые огненные брызги казались удивительно скучным и даже досадным вмешательством в только что сотворённое действие. Все повернулись обратно к продолжавшей стоять на сцене Лиснетте. Мастер Мислав первым встал с места, громко хлопая, и следом остальные зрители наконец-то опомнились и разразились оглушительными восторженными воплями и аплодисментами.

Когда Лиснетта вернулась из-за ширм, уже снова одетая в свою нарядную жёлтую робу, расшитую зелёными растительными узорами, Шахарро протянул восхищённо:

– Ну, ты даёшь! В жизни подобного не видел! Шшшто это было, в конце?!

– Китанские небесные огни, – негромко ответил Роддвар, почему-то не поднимающий глаз от подола робы ринминки.

Лиснетта смутилась, но не могла не улыбаться, отвечая, что придумала финал номера в последний момент и ужасно волновалась, получится ли, как хотелось. Кимри почему-то подумалось, что рыжая, устроила это представление специально для Роддвара, а он, кажется, это понимает. Видно, оттого оба и не знают, куда деть глаза, в которых слишком много радости. Смотреть на них таких было удивительно тепло.

Праздник тем временем подходил к концу, фейерверк закончился, все начали понемногу расходиться. И тут шум со стороны площадок для состязаний привлёк внимание друзей. Там

словно бы кто-то пытался запустить ещё фейерверк, но не было видно цветных огней – только слабые вспышки над головами столпившихся зрителей. Роддвар аккуратно раздвинул учеников и пропустил вперёд Лиснетту и Кимри.

Оказалось, на площадке соревнуются в магии Пути Разделения Айралор и незнакомый юноша-кэримин. На песке валялись остатки соломенных тренировочных чучел, с которыми оба ученика, видимо, только что расправились. Теперь они швыряли заклинания в деревянные тренажёры. После третьей серии *ледяных шипов* Айралора деревянный чурбак с ведром на макушке с треском раскололся на несколько частей, толпа зрителей одобрительно загудела и подалась в стороны, прикрываясь от разлетевшихся щепок магическими щитами. Кэримин смог поджечь свой тренажёр только с пятого заклинания. Зрители зааплодировали, поздравляя Айралора с однозначной победой, но тот, самодовольно улыбаясь, поднял ладонь, показывая, что это ещё не конец.

– Предлагаю опробовать силы на камне.

Кэримин, похоже, понимал, что не сможет победить. Но гордость не позволила отклонить вызов: он сжал губы, молча кивнул и переместился вслед за тайсомином к каменным истуканам. Огонь никак им не повредил, оба ученика поняли это после первой же попытки. *Ледяные шипы* Айралора оставили на его истукане заметные выщербины. Успехи кэримина были едва заметны – пара царапин. Убедившись, что и лёд малоэффективен, старший эльф взялся за куда более сложное призывание молнии. Ударивший сверху разряд вызвал яркий всполох и громкий треск. От истукана откололся приличный кусок. Кэримин, видимо, совсем плохо владевший молниями, церемонно поклонился сопернику, признавая его победу. Айралор мог бы удовлетвориться этим, но, видимо, ему очень хотелось выказать полное превосходство, поэтому он, едва ответив падшему эльфу слабым кивком, сосредоточился и призвал ещё одну молнию. Грохот раздался такой, что зрители прыгнули в стороны, зажав уши и зажмурившись от ослепительной вспышки. Когда все пришли в себя, то увидели, что от каменного истукана остались одни лишь обломки, рассыпавшиеся по всей площадке, а второй, едва оцарапанный кэримином, лишился головы. Ученики изумлённо молчали некоторое время, потом вперёд прорвались Двойняшки, завопили восторженно и захлопали.

Роддвар покачал головой и молча протолкался из кольца восхищённых учеников. Друзья, не обменявшись ни словом, вернулись в замок, и только тут, остановившись на площадке перед спальнями первошагов, северянин сказал:

– Интересно, если он крут, как хейшигуро⁴⁷ – на кой его сюда принесло?..

Шахарро задумчиво обвил хвостом щиколотки.

– Не иначе ради какой-то политики. Слыхали же, чем он Двойняшшкам уши заливал? Про превосходство тайсоминской расы, про то, что старшие эльфы всех мудрее, и должны править...

– Да ладно! Какое нам дело? – беспечно отмахнулась Лиснетта, не дав коту договорить.

– В общем, да, – покладисто согласился Роддвар. – Пока он нас не трогает. Интересно, кто этот кэримин? Он хорошо держался.

– Разве он не ваш, не первошаг? – удивился Шахарро. – Вроде я видел его тут.

– А вон он идёт, – заметила ринминка.

Кэримин, сражавшийся с Айралором, и в самом деле поднимался по лестнице. Остановившись перед преградившей дорогу компанией, он скользнул по лицам рассеянным взглядом и произнёс с отстранённой вежливостью:

– Вы позволите?

Роддвар отступил на шаг и сказал уже почти ему в спину:

– Ты достойно бился.

⁴⁷ Хейшигуро – букв. «чёрный солдат» (имперск.); человекоподобные боевые маги, прислужники Хакай Сорана.

Эльф встал, как вкопанный, и Кимри заметила, что его плечи напряжённо приподнялись, будто он сдерживает желание втянуть в них голову. Несколько секунд кэримин, видимо, размышлял, не насмешка ли это была, затем медленно обернулся.

– Вы так считаете?

– Конечно! – обезоруживающе улыбнулась Лиснетта.

Впрочем, её чары пропали впустую. Эльф невыразительно двинул плечом, пробормотал что-то вроде вежливой благодарности и хотел уже уйти, когда северянин протянул ему руку.

– Кажется, мы не знакомы. Роддвар Белый Щит.

Кэримин ещё раз окинул взглядом четвёрку учеников, словно бы только что увидел. На секунду его глаза остановились на Кимри. Ей показалось – или это всё-таки было не презрение, а любопытство? Решив, наконец, что соученики, выразившие одобрение его бестолковому сражению, достойны хотя бы учтивости, эльф пожал руку Роддвара.

– Эйно Даррис.

Шахарро и Лиснетта также представились, скрепляя знакомство рукопожатием. Когда же очередь дошла до Кимри, она растеряно опустила голову и даже отступила на полшага. Ей вдруг подумалось, что этот церемонный юноша с манерами аристократа вряд ли желал бы касаться руки полукровки, и значит, если она протянет ладонь наравне со всеми – её ожидает очередное унижение, когда ей откажут в приветствии... Сквозь затянувшийся всё туман стыда, Кимри едва услышала, как Лиснетта спасает положение, представляя её новому знакомому и поясняя, что, мол, она стеснительная. Добродушная ринминка рассудила, что растерянность Кимри может выглядеть невежливо, потому поспешила заступиться за подругу.

Эйно отвесил сдержанный поклон, и первошаги наконец-то вошли в спальню, простившись с Шахарро и Лиснеттой.

– Ты тоже учишься у Инх Шэка? – полюбопытствовал Роддвар.

– Нет, моя наставница – мастер Йосини. Я изучаю Путь Жизни и в Разделении совсем не силён. – Эйно досадливо поморщился. – Было глупо вступать в этот поединок. Тайсомин задел мою гордость, а я поддался на провокацию, как ребёнок.

– Зато теперь есть о чём подумать. Айралор нас тут врагами счёл, чуть половину столовой ради этого не разнёс. Будем знать, чего ждать и чего опасаться...

Кимри так и не решилась вступить в беседу, тихо проскользнула в свою комнату и укрылась за ширмой, прислушиваясь.

– Он в самом деле силён, – признал кэримин. – Хотя заносчивость когда-нибудь сослужит ему дурную службу.

– Ну, да, – Роддвар хохотнул. – Он уже драил купальни вчера!

Спустя пару секунд молчания Эйно вдруг спросил:

– А где же ваша застенчивая подруга?

– Наверное, спряталась в своей комнате. Она, правда, стесняется и молчунья. Но совсем не трусиха. Вчера бросилась между Айралором и взбесившимся котом с двумя тощенькими щитами. Чудо, что её не пожгли да льдом не посекали.

– Вот как.

В коротком замечании кэримина прозвучала смесь удивления и лёгкого недоверия, но и одобрения. А уж похвалы Роддвара её успехам в Пути Духа заставили Кимри вспыхнуть и отпрянуть от ширмы. Она села за стол и открыла первую попавшуюся книгу, изо всех сил стараясь больше ничего не слушать. Правда, оказалось довольно сложно не слышать гулкий бас северянина: как ни старался он говорить потише, всё равно каждое слово впечатывалось в уши, как тяжёлый булыжник. Хорошо хоть он перестал расхваливать её и заговорил об Археологическом клубе. Но – Аса'ю, смилуйся! – позвал Эйно пойти завтра с ними! А кэримин даже согласился, хотя Роддвар честно расписал ему все прелести характера мастера Эшши-Дана.

– А вы подносили ему дар учтивости? – задал Даррис странный вопрос.

– Чего? – не понял китадин.

– Это традиция пепельных эльфов: прежде чем обсуждать или начинать важное дело, нужно поднести дар, чтобы выразить уважение и серьёзность своих намерений, – пояснил Эйно.

– Ещё б знать, что первошаги могли бы подарить мастеру... – хмыкнул Роддвар.

«Книгу, конечно», – подумала Кимри, и Даррис произнёс в унисон с её мыслью:

– Книгу, конечно. Я купил на ярмарке, на лотке букиниста, список хайминских стихов с параллельным переводом на имперский. Может быть, он и есть у мастера Эшши-Дана, но после Гнева Баарота любая лишняя копия бесценна для понимающего учёного. Давайте поднесём её вместе, ото всех нас, – предложил Даррис неожиданно.

– И не жалко тебе? – удивился северянин.

Эйно, похоже, улыбнулся:

– Поверь, оно того стоит. Сам увидишь.

8. Эйно Даррис

Весь следующий день Кимри невольно наблюдала за Эйно. Несколько раз она внушала себе, что не годится постоянно глазеть на малознакомого кэримина, который явно происходит из благородного рода, и не ей чета, и вообще... Но взгляд то и дело сам собой возвращался к тонкому изящному профилю, хранившему неизменное вежливо-замкнутое выражение.

На уроке Пути Жизни стало ясно, что Эйно, действительно, хорош именно в этой магии. Мастер Йосини непрестанно хвалила его, а в конце занятия даже попросила помочь ей проверить, как другие ученики справляются с заданием. Когда Эйно остановился рядом с Кимриналь, у неё от смущения зачастило сердце. Ан'тэй как не бывало. Заклинание *отдыха* рассыпалось и растаяло, даже не начав действовать. Она разозлилась на себя, стиснула зубы, потом вспомнила наставления мастера Эттилора и, прикрыв глаза, сделала несколько вдохов-выдохов. Стараясь не обращать внимания на Дарриса, заново сосредоточилась на заклинании. На этот раз вроде бы получилось, но эффект оказался совсем слабым: Роддвар, уже привычно работавший с ней в паре, покривился, показывая, что почти ничего не ощутил.

– Мне помогает представить, что в руках некий поток, – мягко заговорил Эйно. – Как вода или ветер. И всё, что нужно – это уловить его и перенаправить. Мастер Йосини говорит, жизненные силы разлиты вокруг нас повсюду и щедро. Нужно только слегка подтолкнуть их.

Это напомнило Кимри объяснения мастера Эттилора о частицах, из которых всё сложено. Что, если жизненная сила – это тоже какие-то особые частицы? Наверное, можно научиться замечать их среди остального? Опустив веки, Кимриналь посмотрела вокруг сквозь ресницы – так, чтобы не мешало присутствие рядом других людей и вещей – и постаралась вспомнить то ощущение, которое испытала, когда смогла оттолкнуть перо. Из чего состояли нити, протянувшиеся от её пальцев? Что есть здесь, прямо рядом, в воздухе? Даррис сказал – поток... Вот свет, он греет воздух, и воздух движется в разных направлениях, тут теплее, там холоднее. Ветер? Как различить, где просто воздух, а где – тот, особенный, наполненный нужным ей свойством?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.